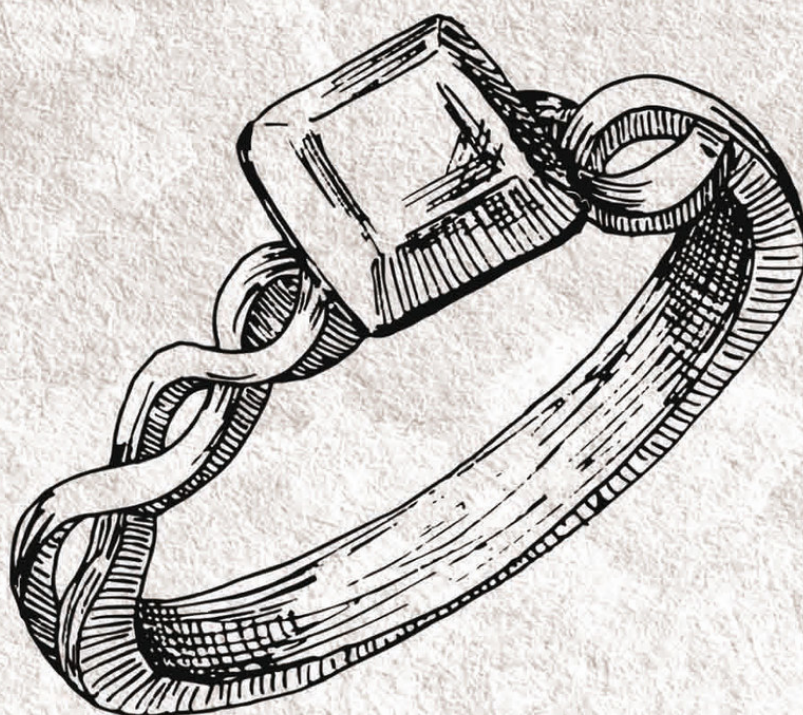

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА

КОРНИ ЗЕМЛИ

КОЛЬЦО СТРАННИКА

РАССЛЕДОВАНИЕ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

Корни земли

Марина Александрова

Кольцо странника

«Научная книга»

Александрова М. Г.

Кольцо странника / М. Г. Александрова — «Научная книга»,
— (Корни земли)

Мистические артефакты повелевают жизнями своих владельцев и приносят не только могущество, но и верную смерть, если не будут выполнены три страшных условия...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	24
ГЛАВА 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина АЛЕКСАНДРОВА

КОЛЬЦО СТРАННИКА

ГЛАВА 1

На заре затрубили трубы в святом Новгороде – но на сей раз не дрогнули спящие жители, Пресвятая Дева, заступница, не проронила слезы с чудотворного образа. Знал Новгород – ныне князь предан мирным делам, едет он со своей ратью на охоту. Потому и ржут весело кони, и трубят рога, скликая славных воинов на молодецкую забаву.

Всеслав, семилетний сын княжьего тысяцкого Романа, проснулся до света. Еще надеялся – смилуется отец, возьмет с собой на охоту. Вчера совсем было удалось его упросить, да мать помешала – завопила, заголосила:

– Куда мальчонку тащите? И не дам, и не позволю! В могилу вы меня вогнать хотите, что ли? Ему и восьми годочков еще не исполнилось, а уж на такую забаву? И не помышляйте!

Всеслав стоял, насупившись. Очень хотелось удариться в рев, но держался – отец не любил, когда при нем роняли слезы. Надеялся вырастить из сына храброго воина и хвалил за удаль – потому уж почти согласился. Кабы не матушка...

Теперь Всеслав встал спозаранок, думая захватить отца и увязаться за ним. Поглядывая искоса на спящую няньку, быстро оделся и кинулся вон из опочивальни.

Отца он поймал уже на дворе.

– А, пострел, уже вскочил? – засмеялся отец, увидев его, заспанного, растрепанного. – Что-то раненько нынче. Ну, молодец, молодец. Ишь, взъерошился, как воробей!

– Возьми меня с собой! – наконец вымолвил Всеслав, припав щекой к большой отцовской руке.

– Нет, сын, в другой раз. Слышал, как мать вчера заливалась? И вечером мне говорила: смотри, не вздумай мальчонку с собой тащить. Я и обещался просьбу ее исполнить.

Всеслав вздохнул. Он знал – отец своего слова не нарушит.

– Верно, в другой раз возьмешь?

– А как же, конечно! Беги теперь в терем, досыпай. Вон у тебя и глаза слипаются.

Делать нечего – пришлось идти обратно в терем. Нянька уж встала, теперь кудахтала где-то, искала потерянного питомца.

День на сей раз тянулся очень долго – не пришла охота к обычным мальчишеским забавам и Всеслав шатался по двору без дела. Сестрица, четырехлетняя Нюта, пыталась увязаться за братом, но сегодня ему не до нее было. Так скучно было что-то, так скучно на душе... Бывало, приходили на двор к тысяцкому скоморохи, плясали и пели, смешили добрых людей. Ради детей их не гнали, смотрели только, чтоб чего не стянули. Но сегодня и скоморохов не было, и небо затянуло серыми тучками... Вдали где-то мелькали молнии, погромыхивал гром отдаленными раскатами.

За вечерней трапезой мать вздыхала, маялась.

– Душно что-то, перед грозой, что ли, – сказала, прижимая ладонь к высокой груди. – Как бы отец под ливень не попал. Пойду, прилягу, что ли... Томит.

Стала подниматься из-за стола и вдруг замерла.

– Мотри, едет! – сказала и бойко пошла к дверям – встречать. Проходя коридорами, улыбалась, качала головой. Надо же – уж восемь лет, как обвенчались они, а любовь все по-молодому горит. Вроде бы и не пристало в такие-то годы, а все пылает сердце, не хочет уняться...

Всеслав приклеился носом к оконцу – встречать отца. Ничего толком и рассмотреть-то не успел, только понял, что дело неладно, когда со двора раздался звериный вопль матери, и

не верилось как-то, что эта маленькая женщина может так ужасно кричать. Всеслав рванулся со скамьи, бросился к дверям, но его удержали чьи-то сильные руки, а рыдания матери становились все ближе и все страшней.

Тысяцкого Романа на охоте заломал медведь. Никто не ждал этого – на княжеских охотах Роман частенько хаживал в одиночку на могучего зверя и неизменно выходил победителем. Но на сей раз медведь попался сильный, злой, матерый, и не сдюжил тысяцкий, и не успели ему на подмогу верные друзья... Поломанного, с разорванной грудью, выручили его из лап зверя и привезли домой.

Под темными грозными ликами образов, уйдя до подбородка в жаркие перины, умирал отец Всеслава – самый сильный, самый добрый и веселый человек на всем белом свете. Дышал он часто, с присвистом, губы запеклись от жара. Только глаза неуголимо горели, и такое невыносимое страдание светилось в них, что даже выдавший виды священник, отец Василий, вздрагивал и отводил взор. Жена неотрывно смотрела на умирающего; ее круглое, темнобровое лицо опухло от слез, время от времени она начинала причитать, но пугалась потревожить умирающего и затихала, молча заламывала руки.

Всеслав с сестрицей сидели на скамейке в уголку, прижавшись друг к другу. Нюта не понимала еще, что происходит, но почувствовала беду и сидела тихо, только иногда тяжело, не по-детски вздыхала. В сумраке под сводом шушукалась, всхлипывала дворня – слуги любили Романа, подчинялись не из-под палки, с радостью.

Умирающий пошевелился.

– Что, что, кормилец? – кинулась к нему жена.

– Детей... – выговорили спекшиеся губы тысяцкого.

– Детей, детей к нему подведи, благословить хочет, – зашептал отец Василий. Всеслав слез со скамейки и, держа за руку сестру, сам подошел к ложу. С помощью жены и священника отец возложил холодеющие уже руки на головы детей – на льняные кудри Всеслава и на черные, жесткие, как у матери, волосы Анны.

– По правде живите... – сказал из последних сил, и тут же ясные глаза его стали меркнуть.

– Отходит, батюшки, отходит! – вскрикнула жена, за ней заголосила дворня. Но нет – диким усилием воли отогнал тысяцкий курносую, снова очи его прояснились.

– Сын... остаешься за хозяина. Мать, помоги-ка мне. Сними вон перстень с руки...

На правой руке, на среднем пальце, Роман всегда носил серебряный перстень с темным камушком. Не раз и не два говорил он сыну, указывая на перстень: «Вот, сынок, родовой наш оберег. И деду твоему и прадеду помогал он, давал удачу и в любви и на войне. Только чтоб служил он тебе – по правде жить надо». И Всеслав, заглядывая в таинственную глубину камня, думал, что всегда будет жить «по правде», как отец. Но о том, что отец когда-нибудь умрет, он и помыслить не мог.

Мать с трудом сняла кольцо.

– Сыну, – тихо, но твердо сказал Роман.

Всеслав еле держался на ногах, голова у него кружилась, слезы, казалось, вот-вот польются из глаз. Но он, как всегда, не решился заплакать при отце. Твердо шагнул вперед и, взяв перстень, надел его на средний палец, как отец. Подняв глаза на отца, увидел улыбку на его лице – кривую, бледную, слабую, но самую настоящую улыбку, и сам улыбнулся в ответ.

Терем содрогнулся от удара грома, яркая молния расколола ночные тучи и по крыше забарабанили капли дождя – сначала редкие, а потом все чаще, громче, сильнее... Отец застонал, над ним склонилась мать и отец Василий, а Всеслав не мог оторвать глаз от отцовского подарка. В глубине темного камня вздрагивали, переливались алые огоньки. Всеслав никогда не видел такого, и теперь все его детское внимание было устремлено на перстень. Вздрыгнул, когда крикнула мать:

– Глазеньки открыл, голубчик!

Тысяцкий Роман рывком поднялся и сел на постели. Глаза его были широко открыты и – Всеслав никогда этого не забудет! – из них лился необыкновенный свет, весел и чист был взгляд умирающего. Он смотрел куда-то вверх, в темный угол комнаты... И вдруг плечи его задрожали, судорога прошла по всему телу и он бездыханным упал на высокие подушки.

Душераздирающе кричала вдова, священник шептал слова молитвы, и причитала многочисленная дворня – Всеслав уже не слышал ничего. Слез не было, жалобы застряли в горле. Повернулся к дверям – там обступили слуги, плакали, жалели, звали непривычно – сироткой. Еле вырвался из их цепких рук и не пошел, а побежал, сам не зная куда. Только бы укрыться, уйти от этого страха, от жалости, от боли.

В пустой и темной трапезной рыдания матери почти не слышались – только доносился смутный, тревожный шум, от которого тесно было в груди и жужжало в ушах. Всеслав присел на корточки у очага, где тлели багряные угли, уткнулся носом в колени. Нужно было как-то жить, что-то делать. Всеслав остался в семье за старшего, за хозяина, и эта забота бременем легла на его детские плечи...

Радость ушла из дома. Мать с тех пор, как схоронили отца, была словно бы не в себе – все время молчала, иногда принималась плакать, а хуже – чудить. Порой говорила что-то невпопад, ночами громко молилась и рыдала под иконами. Про детей она словно позабыла – скорбь по безвременно ушедшему, безмерно любимому супругу вытеснила из ее сердца любовь к детям. Всеслав чувствовал это, чувствовала и Нюта, все время жалась к брату. Дворня, не видя над собой хозяйского надзора, распустилась – воровали немеренно, потеряв страх, к работе старания поубавилось. Хозяйство, так ладно поставленное, впадало в запустение.

Всеслав с Нютой коротали бесконечные вечера на скамеечке в дальней горенке, которую в доме называли «темной». Круглые оконца пропускали мало света. Дети сидели, поджавшись, против тлеющего очага, жались друг к другу. Чтобы развеселить сестрицу, Всеслав крутил ей из тряпичных куколок, метил угольком глаза и давал ей баюкать. Порой говорил сказки, которые сам еще слышал от няньки. Да только сказки все получались страшные – про лихих разбойников-душегубов, про нечистую силу лесную, про того, кто по ночам воет в печях... Нюта прижималась к брату, брала его за руку и затихала – вглядывалась в алую звездочку в кольце.

Всеславу перстень был велик, но он все равно носил его, как мать ни уговаривала припрятать до времени. Носил на большом пальце и берег пуще глаза, а в грустные вечера утешал им сестрицу, а более – себя...

– Вот вырасту я, – шептал громко, – стану хозяином, и опять дела на лад пойдут... Пойду к князю в дружину, добуду себе славу, матушку утешу... А в том мне батюшкин оберег подмога, с ним мне счастье придет.

Нюта широко открывала и без того огромные черные глаза и переводила взгляд с брата на кольцо. Пусть не много она понимала в словах Всеслава, но держалась за него крепко. И Всеслав понимал, хоть и не вышел он еще из отроческого возраста – он у сестры одна надежда, некому о ней позаботиться. Матушка-то вон никак в разум не войдет...

Неизвестно, как бы дальше шла жизнь осиротевшей семьи, кабы как-то зимним утром не подкатили к крыльцу крепкие сани. Рванулись два цепных кобеля, задохнулись от злобы, и смолкли – такой властный голос шикнул на них. Нянька сунулась в окно и, как мешок, повалилась обратно на скамью.

– Боярин приехал, в шубе богатой! – шепнула она и побежала, засемила по переходам – сказать хозяйке.

... Татьяна, узрев, кто приехал, побелела как плат. Вот уж неожиданный гость! Как же встречать его, что говорить?

Неизвестно. Не в ладу были братья: поссорились давно, в юности еще, и с тех пор не видались. Слышали друг о друге от чужих людей, но о себе вестей не подавали.

И вот – стоит на пороге старший брат, Тихон. Постарел, огрубел, устало смотрит из-под нависших бровей... Молчать дальше становилось невозможно, и гость первым нарушил тишину.

– Мир дому сему! – сказал он.

Татьяна сдержанно поклонилась.

– Спасибо на добром слове. Не ждали мы гостей, прощения просим.

У пришедшего дернулись брови.

– Ты что, – тихо сказал он, – не признала меня, Татьяна?

– Как не признать – признала. Не ведаю только, с чем ты к нам наведался? Давненько...

Тихон жестом остановил ее речь.

– Прослышал я о безвременной кончине брата... – молвил он горько. – Душой скорблю о глупости и спеси своей, о том, что не успел с ним примириться, прощения испросить, и от него прощение получить. Давно уж обиды не держу... – и засопел, утирая скупые слезы.

Татьяна тоже заплакала.

– И тогда-то мне обижаться не следовало... Да молодой был, горячий. А после гордость проклятая не велела с миром идти. Вот и дождался, что брата в живых не застал. Решил теперь – должен я все, что в силах моих, для племянников сделать. Двор у меня богатый в Киеве – грех на жизнь жаловаться. Князь наш воеводой меня пожаловал.

– А детки-то есть у тебя? – по-бабьи жалостливо спросила Татьяна.

– Сынок... Матушка его родами умерла, сыночка мне оставила. Так и не оженился я в другой раз – не хотел мальчонке мачехи брать... Так что ж – покажешь ли мне племянников?

Татьяна кивнула и кликнула няньку, приказав ей немедленно вывести Всеслава и Анну.

Войдя в горницу, Всеслав увидел большого, богато одетого человека с холеной рыжеватой бородой – совсем как у отца.

Да и всем обликом, повадкой так был гость похож на покойного батюшку, что у Всеслава защипало глаза и комок подкатился к горлу.

– Это дяденька ваш, батюшкин брат, – молвила мать, улыбаясь. Всеслав уж и забыл, как она улыбается, а тут, гляди-ка – выглянуло ясно солнышко! Значит, бояться нечего.

Но все же дети заробели – слишком внимательно смотрел на них этот незнакомый пока человек, и глаза у него блестели как-то странно.

– Славный отрок, – молвил он, обращаясь к матери. – Девчонка тоже хороша, да другой разговор. Который годок мальчонке-то?

– Осьмой пошел, – сказала мать, делая шаг к Всеславу, словно испугавшись за него.

– Вот как... – раздумчиво произнес гость. – Что ж, Татьяна, будет у меня к тебе серьезный разговор. Сперва только дай поесть-попить, в баньке попариться, отдохнуть с дороги – а там за дела примусь!

Дядька Тихон и впрямь рьяно принялся за дела. Разбранил всю дворню – зачем ходят нечисто, отвечают дерзко? Зачем в трапезной пыль и паутина, а в бане мокрицы жируют? Отчего постели не перестилают, не трясут? Такого шороху навел – почувала челядь, что мужик в доме появился, – забегала, хлопотала. А гость долго парился в бане – даже в доме слышны были его уханья и гоготанье, с аппетитом откусал. И от хмельной чарки не отказался, но выпил в меру. Почивать его уложили в лучшем покое, где стены обиты были заморским дорогим полотном, на полу лежали пестрые ковры, вдоль стен стояли скамьи, покрытые пунцовым шелком и бархатом.

В тот вечер, когда гость лег отдыхать с дороги, мать долго сидела с Всеславом и Анной – словно вспомнила о них, очнувшись от долгого, жуткого сна. Снова и снова вглядывалась в лица детей своих, гладила их по головкам, тихонько пела песенки и говорила небывальщину. Впервые со смерти отца в терем заглянул лучик солнца.

Всеслав был рад приезду дяди – он исхитрился с первого знакомства завоевать сердце отрока. Словно вернулись те времена, когда жив был отец. Тихон все свое внимание отдавал мальчонке. Катался с ним по окрестностям, учил стрелять из лука, рассказывал многое, хоть иной раз и непонятно – о проклятых половцах, о княжеских расправах, что мешают процветать земле русской... Большого ума был человек, хоть иногда и забывал, что говорит с несмышлёнышем. Но вспоминал, начинал речь о понятном – о том, как звериные следы узнавать, как обьежживать диких коней... Душой прикипел Всеслав к дядьке и обрадовался, когда тот среди прочего спросил вдруг:

– А что, Всеслав, хотел бы ты со мной поехать?

– Куда? – вскинулся мальчонка. – В Киев-град?

– Вестимо, в Киев, – степенно отвечал Тихон. – Хочешь?

– Очень хочу! – горячо ответил Всеслав и тут же сник. – Вот только мать... Отпустит ли она меня?

– То моя забота. Скажи только ей: хочу, мол. А об остальном я позабочусь.

И действительно, позаботился. В трапезную, где мать с дядькой вели разговор, Всеслава не допустили – хлопнули дверью перед носом. Но он так и простоял в коридоре, прислушиваясь. Знал, что поступает неподобающе, да уж больно любопытство обуревало. Но не услышал ничего и едва успел скрыться, когда за дверью послышались приближающиеся шаги и дрожащий голос матери приказал позвать Всеслава.

Войдя в трапезную, сразу понял – мать только что плакала. Глаза ее были красны, но она улыбалась, и дядька улыбался тоже.

– Вот что, сын, – начала мать. – Говорили мы сейчас с твоим дядюшкой. Просил он, чтобы отдала я тебя в учение, в Киев. Будешь жить нахлебником у дядюшки и учиться в школе при соборной церкви. Ну что ж ты, согласен? Говори, не бойся!

– Согласен, матушка, – пробормотал Всеслав, не подымая глаз. Стыдно было чего-то и страшно – вдруг мать так шутит только, а потом передумает?

Но она не шутила. Откинулась к стене и со вздохом сказала:

– Что ж, Тихон, твоя, видать, правда. И то сказать, пора мальчонке себе дорогу в жизни пробивать. С отцом-то был как за стеною каменной, а теперь сам о себе думать должен.

Дядька только кивал головой.

– Вот теперь разумно говоришь, Татьяна. Да не бойся, не украду у тебя молодца. Как кончит учебу – выхлопочу у князя, чтоб послали сотником в новгородскую дружину. При тебе будет твой заступник.

Мать снова всплакнула, но уже чуялось – легки ее слезы. Да и как не поплакать, если сын, первенец, который недавно вроде у груди лежал, уже вырос и уезжает невесть куда, в далекий стольный град?

– Спасибо тебе, Тихон, – сказала сквозь слезы. – Век не забуду твоей доброты. Всеслав, благодари дядю!

Всеслав сделал шаг навстречу, хотел было поклониться, но попал в объятия дядьки, и сам неожиданно для себя захлопал носом. Жаль было матери, что остается, и Нюты – кто теперь с ней играть станет? И радостно было за себя – большая, долгая дорога светила впереди и много еще чего, неведомого пока, но непременно хорошего.

ГЛАВА 2

Едва проторенная дорога вела степью, а над ней нависали тяжелые, разбухшие тучи. С утра морозило, воздух был полон ледяными иглами, но к вечеру потеплело – снеговые тучи укутали землю. Всеслав дремал, покойно закутавшись в отцовскую добротную шубу на хорьке. Дядька же, против обыкновения, был беспокоен – то и дело привставал, бормотал что-то.

– Что, дядюшка? – спросонку встрепенулся Всеслав.

– Ничего. Спи покамест.

– Выспался уж, не хочу больше. Что-то небо так заволокло?

– Это и меня беспокоит. Как бы беды не случилось! Того и гляди, буран начнется, а нам до жилья еще сколько! Места здесь глухие да недобрые, волки ходят стаями... О нынешнюю зиму они злые, голодные.

Всеслав испугался, но виду не показал.

– Бог милует, – сказал смиренно, как матушка бы сказала.

– Так-то оно так. На Бога надейся, а сам не плошай!

– Степан, – обратился дядюшка к вознице, – как ты про погоду мыслишь: завьюжит, ай нет?

Степан, сытый, веселый мужик, привстал и огляделся.

– По приметам, оно и так... Да авось пронесет, боярин!

– Авось, авось... – передразнил его дядюшка. – Все б тебе «авось». А ну как попадем в переделку? А с нами мальчонка, мне за него отвечать. Так что соображай, куда бы к жилью свернуть.

– Сделаем! – откликнулся Степан и привстал. – Эх, по всем по трем, коренной не тронь, а кроме коренной и нету ни одной!

Вдохновленные таким кличем, а пуще ударом кнута, лошади пошли быстрее.

Темнело быстро, тучи из серых сделались черными и нависали тяжело, готовые каждое мгновение прорваться. Порывами налетал колючий ветер... Степан надвинул шапку глубоко на глаза, яростно стегал лошадей по шеем. Всеслав понял – дело плохо.

– Сгинем мы здесь, дядя? – спросил он, надрывая голос, чтобы перекричать завывания ветра.

– Чепухи-то не говори! – отвечал дядюшка. – Оно конечно, тяжело придется. Ну да ничего, Степан – возница бывалый. Из каких мы с ним переделок не выбирались! Помнишь, Степан, Путшу Черного?

Степан кивнул, но видно было, что ему не до праздных разговоров – закусив губу, он вглядывался вдаль.

– А кто это – Путша? – спросил Всеслав.

– Разбойничек черниговский. Кто мимо его вотчины пройдет – живым не вернется. Кони у него быстрые, товарищи верные, кистень точно бьет. Ну, а мы со Степаном ускакали от него, в дураках оставили...

Сани сильно накренило.

– Что такое! – вскрикнул Тихон. – Что случилось, Степан?

Степан привстал, глаза его сверкали из-под шапки, страшно скалились зубы. Молча указал кнутовищем куда-то в сторону, и Всеслав, хотя не хотел глядеть, взглянул. За санями, почти вровень с ними, бесшумно мчались по голубым сугробам огромные, матерые волки.

Словно кошмарный сон виделся Всеславу, страшная, сладкая жуть. Степан, по пояс высунувшись из саней, кричал что-то дурным голосом. Кони были добрые – злая рыжая кобылка, коренная, рвалась вперед, хрипя. Сильно кидало на ухабах.

Снежная пыль летела в лицо. На особо резком повороте Степан странно дернулся и боком повалился с саней. Дядька Тихон едва успел перехватить вожжи. Только и слышали, что приглушенный вопль.

Волки отстали. Всеслав сидел, зажмурившись, до боли стиснув зубы. Дядька оглянулся на него.

– Испугался, малец? Степана жаль – хороший был мужик, верный. Кабы не он – нам всем пропасть.

Всеслав не отвечал. Дрожь постепенно проходила, таяла в коленях. Осмелился, наконец, открыть глаза, оглядеться – все так же простиралась равнодушная степь.

Уже совсем стемнело, когда издали потянуло запахом дыма – жилье было недалеко. Лошадки приободрились, побежали быстрее. Только к полуночи добрались до ночлега.

Дядька Тихон кнутовищем постучал в ворота – двор был маленький, посреди торчало одно дерево, но ворота добрые. Забрехали собаки.

– Кого несет? – через некоторое время послышался недовольный голос.

– Княжеский воевода проездом, – отвечал Тихон. – Пустите, люди добрые, во имя отца и сына и святого духа.

Им отперли ворота, и заробевший сторож проводил в избу. Всеслава дядька усадил в передней на сундук, сам пошел здороваться с хозяином. Вернулся довольный.

– Привел нас с тобой Господь, – сказал мальчику. – Поп местный тут живет. Заробел меня, аж смешно стало. Ты чего дрожишь, замерз? Ничего, сейчас и поешь, и согреешься.

Изба была новая, чистая. Возле входа – рогожа, о которую следовало вытирать ноги. Сразу усадили за стол. У Всеслава уж глаза слипались от усталости, но есть хотелось больше чем спать. Хлопотливая попадья жалела мальчонку: «Куда тебя, родимого, везут в такое время!». Потчевала его, как родного, а потом села, подперлась рукой. Смотрела, как он ест, и все вздыхала.

Отец Кондратий – толстый, мягкий, весь лучащийся неподдельной приветливостью, разговаривал с дядей Тихоном.

– Своих-то детей Бог не дает, – сказал, кивнув на попадью, – Вот и утешается мальчонкой-то. Ну да пусть их, дело ее бабье. А вот скажи ты мне, добрый человек...

И у них потекла своя неторопливая беседа. Всеслав, насытившись, начал дремать. Уже привиделся ему родной дом, высокое крыльцо, мать с отцом, Нюта. Радует душа, сердце заходится от счастья... Но багровая вспышка освещает сновиденье – и все меняется. Крыша терема объята огнем, вот-вот рухнут стены. Матери с сестрой не видно, а на крыльце лежит отец с разорванной грудью, умирающий, и подает Всеславу с улыбкой страшный кус окровавленного мяса...

Попадья разбудила плачущего во сне мальчика и увела его на скамью, где уже было постелено. Умашиваясь поудобнее, снова проваливаясь в сон, слышал он слова дядьки, который говорил попу:

– Меня с мальчонкой-то, видно, Бог миловал. Думал, не уйти нам, а вот как оно получилось...

– Так, так, – кивал головой поп. – Детская душенька-то чистая, безгрешная...

– Да еще батюшка его покойный, мой брат родной, оберег ему перед смертью отдал. Говорят, святой человек, монах византийский его своими руками сделал. Кто из нашего рода его носить будет – тому счастье и удача во всем придет...

Всеслав подтянул к глазам руку – захотелось посмотреть на перстень. Прижался к нему губами, улыбнулся про себя – вот как, значит, помог батюшкин последний подарок! И, согревшись, заснул.

Наутро тронулись, и уж больше в пути ничего не приключилось. Ярким зимним днем Всеслав с дядькой въехали в славный Киев-град.

Вотчина воеводы Тихона была в селе Берестове. Крепко жил воевода – терем его стоял на фундаменте загородного княжеского замка, где еще князь Владимир Красное Солнышко отдыхал от своих трудов и забот.

– Вот и хоромы мои! – радостно сказал Тихон, выбираясь из саней. – Ты чего заробел? Вылезай-ка, осмотришься.

Всеслав вылез, озираясь. В хоромы вело крыльцо с крутыми ступенями. Красивое крыльцо, гораздо краше, чем в родном доме – все резное, купол луковкой, как на Божьем храме. Кровля шатром, гребень пестрый, вызолоченный. Нижняя подклеть сложена из могучих бревен. Во дворе много всяких строений – погреб, хлева для скотины и даже кузня – оттуда слышался звон, веяло жаром.

На крыльцо высыпала дворня. Всеслав видел – все рады возвращению хозяина, на лицах светятся искренние улыбки. Ветхая старушонка, вся закапанная воском, растолкала остальных, бросилась навстречу и по тому, как засиял ей навстречу дядя, Всеслав понял – это не последний человек в доме.

– Вот, няня, – сказал Тихон после первых приветствий и лобызаний, – это и есть мой племянник, сын Романа.

– Ах ты, соколик ясный! – старушка обратила на Всеслава взгляд своих не по-старчески ясных, живых глаз. – Сиротка горемычная! Да как же ты на батюшку своего похож-то! Иди, иди ко мне, под сизое крылышко!

Всеслав, которому уже порядком опротивело прозвище «сиротка горемычный», приглядывался к ней с некоторой тревогой, словно хотел узнать, где у нее то самое сизое крылышко, под которое следует идти.

– Ну, что ж ты! – подтолкнул его дядя. – Говорю же тебе: не робей! Это моя няня, она и отца твоего баюкала в детстве. Так и зови ее: няня Ольга.

Крепко взял Всеслава за руку и пошел к терему. Несколько шагов оставалось до крыльца, когда по крутым ступеням навстречу им выбежал, словно шариком скатился, щекастый мальчонка одних лет со Всеславом.

– Батюшка! – завопил он не своим голосом и вцепился мертвой хваткой в полу отцовской шубы.

– Ты зачем выскочил? – пожурил его отец. – Недавно только горлом хворал. Опять занедужишь.

Вместе прошли в терем. Сени просторные, на лавках разостланы звериные шкуры. В крестовой палате, куда прошли, не задержавшись, хоромный убор богатый. Всеслав остановился, перекрестился степенно на угол, где висели образа, завешанные парчовым застенком. Дядька Тихон усмехнулся, толкнул в затылок сына.

– Вот, гляди, как себя держать надо! А ты только и знаешь, что носиться, как угорелый, да нюни пускать. Привечай гостя, не рюмься!

Мальчишка, спрятавшись за отца, недобро глядел на Всеслава круглыми, как у кота, глазами. Но поборол себя, сделал шаг и важно сказал:

– Мне батюшка говорил, ты – мой братец. Меня Михайлой зовут. У меня бабки есть новые, и бита со свинцом. Ты драться не станешь?

– Не стану, – ответил Всеслав. Мальчишка, видно, бойкий был, несмотря на толщину.

– Ну, бегите, дружитесь, – усмехнулся дядька. – Да чтоб не задираться у меня!

Всеславу было сейчас не до игр и забав – от долгой езды кружилась голова, ноги были, как из соломы. Можно было бы превозмочь себя, но так было смутно на душе в этом роскошном, незнакомом тереме, что не стал – подошел к дяде.

– Дядька Тихон, – шепнул, – я б прилег где...

– Ах ты, отрок! – всполохнулся дядька. – Я-то, дурень, тебя играть отправляю, а ты на ногах еле держишься!

Сейчас, сейчас уложим тебя. Отужинать хочешь?

– Не хочу, спасибо, – отвечал Всеслав, с трудом преодолевая внезапно навалившуюся усталость.

В горенке, куда его отвели, было жарко натоплено, пахло ладаном и воском. Неугасимо горела лампада у древних византийских образов. В углу хлопотала, взбивая постель, нянька Ольга.

Всеслав заснул, едва голова коснулась пуховых подушек. В полусне слышал он слова старой няньки: снова тихо плакала, называла его соколиком и сироткой. Но эти жалостные слова уже не вызывали досады – они ласкали, убаюкивали. И уже там, за гранью сна, подумалось Всеславу, что не будут его обижать в этом доме.

Несколько дней дал Тихон племяннику, чтобы тот пообвыкся в незнакомом месте, сдружился покрепче с братом и перестал робеть. За эти дни Всеслав успел уже узнать от Михайлы, что тот ходит учиться в школу при Печерском монастыре и его, Всеслава, тоже туда отведут.

– Там монахи ух какие строгие! – пугал его братец, прыгая на одной ножке по половикам. – Ежели не затвердишь буквицу – сразу за розги хватаются.

– Порют? – спрашивал Всеслав, холодея нутром.

– Еще как! Школа это тебе не у няньки за печкой сидеть! Как вгонят тебе ума в задние ворота!

– А если я буду все затверживать? – пугался Всеслав.

– Все равно, – делая круглые глаза, шептал Михайла, – Ка-а-ак вгонят!

Всеслав порядком перетрухнул, но вида не показал. Да и зачем перед дядюшкой позориться? Не для того его в Киев привезли, на хлебником взяли, чтоб он хлеб даром ел да на печи полеживал. Если надо учиться, значит – надо.

Против ожиданий, монахи приняли его ласково. Наставник, молодой инок с небольшой бородкой, с черными, влажными очами, взял его за подбородок, заглянул в лицо.

– Племянник воеводы Тихона? – молвил. – Ну, учись, отрок, Господь с тобою. Не давай лени забраться в душу твою и пребудешь в благополучии.

Всеславу дали дощечку, покрытую воском, и тонкую, остро заточенную палочку – пиши, заучивай, потом стирай. Про такой предмет Михайла ему говорил и показывал даже, так что Всеславу это было не в новинку. Братец показал ему и многие буквы, но Всеслав приметил, что сам-то Михайла не слишком к учению прилежен. То-то он и о розгах часто поминал!

Самому же Всеславу наука показалась в радость. Поначалу было трудно – буквы и цифири никак не застревали в голове, а коли застревали – не складывались в слоги, не подводились под смекальной линией... Но монахи, видя старание отрока, не понуждали его, не наказывали. Суровы были только к ленивым и дерзким. Таким, действительно, «вкладывали ум в задние ворота» и наставник, отец Илларион, качая головой, сам сокрушался над наказанным и чуть не плакал.

Но когда заучились все буквы – учение стало интересным и даже захватывающим. Наказаний Всеслав больше не боялся, знал справедливость наставников, оттого делал все уверенней и не раз заслужил похвалу. Только раз как-то проштрафился, да и то ухитрился выйти сухим из воды. Случилось это так.

Всеслав в тот день кончил урок раньше своих товарищей – написал по памяти несколько слов, которые для писания трудны были. Сидел тихонько, водил палочкой по свободному месту на дощечке, думал о своем. Через некоторое время взглянул на дощечку – а на ней из беспорядочных линий вроде лик чей-то показался. Присмотрелся ближе, приделал ему глаза, губы, плат до самых бровей... И замер сам, пораженный – с липовой дощечки смотрело на него женское лицо и вроде бы – матушкино. Усмехнулся сам своей забаве, начал марать рядом еще лицо – сестру, которой и не помнил уж почти, но все равно скучал. Нюта держится за матушкино платье, а рядом дворовый лохматый пес Бушуй прыгает – играть ему охота...

Всеслав так увлекся, что не заметил, как под линиями его малеванья исчезли написанные слова. Трудился, высунув кончик языка так усердно, что не приметил, как со спины подошел отец Илларион. В то время мальчик как раз любовался только что нарисованным псом – как живой вышел, и даже глаза, кажется, блестят на заросшей морде!

Почувяв на себе чей-то внимательный взгляд, Всеслав вздрогнул и обернулся. Завидев отца Иллариона, покраснел, потом побледнел, уронил доску и не знал, куда деть глаза от стыда. Но отец Илларион на него и не смотрел, а смотрел на оброненную липовую дощечку. Медленно поднял ее.

– Это что же – ты сделал? – спросил у мальчика. И голос у него был какой-то странный.

«Ну, будут драть!» – решил про себя Всеслав.

– Я... Простите, Христа ради, – робко начал он.

Отец Илларион глянул на него, словно первый раз сейчас увидел. Протянул руку, словно за ухо хотел ухватить, но вместо этого погладил по голове, а дощечку взял и вышел с ней.

Всеслав замер в ожидании. Со всех сторон уже толкали локтями товарищи, выпрашивали: «Что, ну что?». Всеслав молчал, словно онемел. Через некоторое время отец Илларион вернулся и так же молча положил перед Всеславом чистую дощечку. Всеслав подивился, когда заметил – дощечка-то другая, не его! У той уголок был отломан, а эта целехонькая, новенькая совсем!

Некоторое время еще ломал голову над тем приключением – то наказания ждал, то просто тревожился. А потом и забыл вовсе до поры, до времени.

ГЛАВА 3

Тихон не раз возблагодарил в мыслях тот час, когда пришла к нему задумка взять племянника к себе на хлеба. Мальчонка оказался веселым и приветливым, успел расположить к себе всех окружающих и подружиться с Михайлой. А тому ох как нужен был добрый товарищ! Что поделать – избаловал воевода сына. Отрок без матери рос, все его жалели и голубили. Самому Тихону часто недосуг было, и он чувствовал себя виноватым, что много времени сыну уделить не может. Оттого заваливал Михайлу подарками – покупал и привозил все, что его душенька ни пожелает. Вот мальчонка и избаловался слегка. Ну, а с таким товарищем исправится. И сейчас уж стал примечать воевода – там, где в иное время Михайла рев бы устроил, капризами всех донял – он брата стесняется, не хочет перед ним позориться.

Да и дела Тихона, как принял к себе племянника, пошли в гору. Поля тучнели, давали хорошие урожаи. Смерды от сытой жизни стали ревностней служить господину. Закрома полнились хлебами, солониной, вареньями, медом, разными другими припасами... Никогда особо пусто не было в хозяйстве, но тут такое изобилие пришло, что лучше и не надо!

Да и князь Святослав с воеводой ласковей стал. Не так давно занял он престол киевский, изгнав князя Романа Смоленского. Князя-то изгнал, а вот воеводу, что был при нем, оставил – смог оценить мудрость и опытность его. А началась между ними распря, когда Тихон, выпив сверх меры пенного пива, сказал на пиру: «И что, дескать, князя делят, попусту кровь льют!» Князь Святослав понял это тогда как на себя намек и разобиделся. Милости своей не лишил – дорожил воеводой. Но отдалился, не говорил с ним по душам, не шутил, не расспрашивал о семейных делах. А теперь все пошло по-прежнему. Не так давно спросил после делового разговора:

– Слышал я, у тебя в семье пополнение?

Тихон поначалу не понял, потом рассмеялся:

– Племянничка я к себе взял, сына брата моего покойного.

Мишаньке моему товарищ будет. Славный отрок.

– А я-то думал, прижитой какой, – подмигнул Святослав и, видя смущение воеводы, хлопнул его по плечу. – Да шучу я. Все знают, что ты у нас скромник-постник. В школу-то отдал мальчишку?

– Как же! – откликнулся Тихон.

– Ну и хорошо, мне грамотные нужны.

На том разговор и кончился, но в сердце запал крепко. С того дня еще ласковей стал воевода к племяннику. Помнил, что о нем первом заговорил князь, когда вернул ему свое расположение.

Примечал Тихон за племянником и его особенный дар. Не раз и не два видел, как малевал он что-то угольком на стене хлева. Подошел раз посмотреть и поразился – нарисован был конь, как живой прямо! Вроде бы только что скакал по чистому полю и остановился, роет копытом землю, косится по сторонам диким глазом. Вот-вот сорвется с места и умчится вдаль по росистой траве... Подивился, да и позабыл. А в другой раз Всеслав притащил от гончаров немалый кус глины – белой, жирной, и налепил потешных фигурок – тут и кот на печурке, и воин на коне, и монашек несет дров вязанку. Что видел, то и лепил. Нянька Ольга, вечная потатчица, засушила фигурки в устье печи, как гончары посуду закаляют, и долго еще они у Всеслава в горенке стояли, потом пропали куда-то.

– Где ж игрушки твои? – спросил Тихон у племянника, когда они во дворе с Михайлой в бабки играли. Всеслав не понял только, потом отмахнулся.

– Я их в школу снес, мальчишкам подарил.

– И не жалко было? – продолжал пытаться дядька.

– А чего жалеть? – удивился Всеслав. – Этакую чепуховину... Надо будет, я себе еще сделаю.

И сделал, всем на диво. Вылепил бабку Ольгу, как живую. И вот чудо – фигурка-то крохотная, с ладошку всего, а на лице все морщинки прописаны, и улыбается похоже! Даже в лапти махонькие Всеслав фигурку обул, не поленился. Нянька как увидела – только руками всплеснула. Воевода ту фигурку сберег, не велел дарить и выбрасывать, а поставил у себя в палатах. Многим гостям показывал, и все дивились и хвалили.

Посетил как-то воеводу и отец Илларион, что наставником был у обоих мальчишек. Не просто пришел, а с разговором. Тихон обрадовался, звал к обеду, и за трапезой выслушал, что хотел сказать ему Илларион.

– Дар у отрока великий, – тихим голосом говорил гость. – И рвение к слову Божию в нем теперь уж заметно. Не держал ты в мыслях, воевода, чтобы отдать его в монахи?

Тихон нахмурился. Он был верующим человеком, крепко уважал священников и всю монашескую братию, но по природе своей был все же воином и хотел такого же воина воспитать из своего племянника.

– Не думал я о том, отец Илларион, – сказал сумрачно. – Да и зачем это мальчонке? Нешто в миру не найдет себе дела?

– Найти-то, может, и найдет, – с воздыханием отвечал монах, – На все воля Божия. Да только талант у него, грех его в землю закапывать. А мы бы уж всем монастырем собрали ему денег на обучение...

– Куда ж еще учиться-то? – удивился Тихон. – И знания столько не найдется.

Отец Илларион потупился, чтобы скрыть улыбку.

– Пошлем его учиться в иные страны, в Византию, во фряжские земли. Будет учиться иконописному делу, знатным мастером станет. Думай сам, воевода: воинов-то много, а иконописцев на Руси по пальцам перечесть можно.

– Ну уж, по пальцам... – Тихону все меньше и меньше нравился этот разговор. Монах почуял это и смолк. Заговорил вновь после доброго глотка греческого вина:

– Может, и правда твоя, рано еще об этом говорить. Пусть отрок в возраст войдет, склонности свои обозначит.

– Вот-вот, пусть сам решает, – ворчливо поддакнул Тихон.

Племяннику Тихон ничего говорить не стал – считал, незачем. Начнет мальчонка про себя много думать, возгордится... Забавляется своим малеваньем, и пусть. Потом видно будет.

А для Всеслава малеванье стало не просто пустой забавой, а тихой радостью, усладой для души. Последнее время, правда, немного досуга оставалось для занятий любимым делом – начали отроков учить ратному искусству.

В этих занятиях Всеслав окреп и возмужал, растряс детский жирок. Копье он метал лучше всех, ловко из лука стрелял и владел мечом не хуже опытного воя. Не раз побеждал и в конных скачках. Твердо помнил, как отец наставлял его непременно стать отважным ратником и даже стыдился порой своей любви к тихой жизни, к рисованью.

Да еще была одна напасть. Когда упражнялись на мечях, на соломенных и глиняных чучелах, наставник, чтобы разозлить отроков, придать их ударам ярую силу, кричал:

– Не солону рубишь, губошлеп! Врага рубишь – заклятого, ненавистного! Крови его жаждешь, смерти его!

И отроки, зажмурившись, припоминали все несправедливые обиды в своей жизни, бросались на чучело и рубили наотмашь, точно, яростно. Только Всеслав не мог припомнить никакой несправедливости, никакой обиды и увидеть врага не смог. Все люди, с которыми он встречался до сих пор, были к нему добры и ласковы – на кого же зло держать? Разве что на того медведя, что отца заломал, да ведь то ж скотина бессмысленная...

Так и не вышло у Всеслава настоящего удара – со злом. Бил сухо, точно, чучело не валил пополам. А как-то все ж умудрился представить вместо куклы глиняной – живого человека. Дрянного человека, мразь последнюю, но когда представил, как меч, свистнув в воздухе, входит в тело, рассекая его, разваливая кровавую плоть – и не смог ударить. Отбросил меч, пал на колени, зажмурился от подступившей к горлу тошноты. Наставник его, славный воин, понял, что случилось с мальчиком, и сдвинул лохматые брови.

– Ну да ничего, пообвыкнешься, – сказал он, потрепав его по затылку. – Вон какой здоровый вымахал, а нюнишь.

Всеслав был на голову выше своих ровесников, и уже видно было, как широки его плечи. Но в этом молодом, полном сил теле жила нежная, трепетная душа, которой не нравились кровавые сражения, которая отвергала любую жестокость.

Понемногу Всеслав и сам стал задумываться о монастыре. Быть может, к этому его подтолкнула любовь к уединенным размышлениям в тишине, или сделали свое дело завуалированные намеки монахов – но с каждым днем эта тяга становилась все сильнее. Странно, но Всеслав никогда не задумывался, что удалиться в монастырь – значит посвятить всю свою жизнь, всю душу Богу. Отрок был набожен, но в меру, особенного религиозного экстаза, который, по общему мнению, должны испытывать монахи и все «люди Божии», не ведал. Для него Бог был похож на доброго дядюшку, а церковь – на просторный и уютный дом, где можно тихо, чисто и безбедно прожить отпущенные дни.

Он сказал о своей задумке дяде. Сказал без трепета и страха – потому что ничего не решил окончательно и оставалось еще время подумать, и еще потому, что дядя казался ему очень набожным человеком. Когда Тихон, по своему обыкновению, пришел в их общую с Михайлой опочивальню – перекрестить на ночь, Всеслав, знаком попросив его наклониться, сказал:

– Слово тебе хочу сказать, дядюшка.

– Ну так говори! – откликнулся Тихон, но заметил особенное выражение лица мальчика и усмехнулся. – Нешто тайны у тебя завелись? Растешь ты, отроче, растешь... Ну да ладно, идем в мою горницу, поговорим. Правда, час уж поздний... Может, до завтра отложим?

Всеслав согласился отложить до завтра, но ночью проснулся от какой-то невнятной тревоги. Монастырские стены показались ему страшным узилищем. В распаленном детском воображении, населенном еще персонажами сказок, носились причудливые образы, создавая картины одна ужаснее другой. То казалось ему, что его замуровали в тесной келье, где нельзя даже сесть, и стоит он, изнемогая, лицом к кресту; то чудились черные, страшные ангелы, грозящие крючковатыми пальцами с образов...

Утром, придя в школу, он решил поговорить с отцом Илларионом. Другом ему стал тихий монах, сердечным, всепонимающим другом. Выслушав сомнения отрока, он грустно покачал головой:

– Это нечистый тебя смущал. А к чему у тебя мысли такие были?

– Я хотел поговорить с дядей о... о том, сам знаешь. Чтобы мне в монастыре остаться.

– Вон оно что... – протянул Илларион. – Не ожидал я от тебя этого, отрок милый. Жаждал всей душой, но не знал, что почувешь в себе призвание. Вся родня твоя – храбрые воины...

– Я не могу быть воином, – грустно сказал Всеслав. Никому бы из сверстников не решился в этом признаться, но Иллариону можно было сказать, он поймет. И правда – понял, закивал головой.

– Так, так. Правда, подмечал я, что противна тебе брань. Не стыдись этого. Кому-то – защищать свою землю в честном бою, кому-то – молиться за нее неустанно. Каждый выбирает, что ему лучше. А тебе к тому ж Господь талант дал...

– Какой такой талант? – удивился Всеслав.

– Как же, а малеванье-то? Ты ведь хоть что – хоть зверя, хоть человека так можешь изобразить, что ровно живые становятся. Кабы твой талант на благое дело направить – иконописец из тебя знатный бы вышел, каких не видала еще земля русская. Греческих-то мастеров у нас много, вот и утер бы им нос.

Всеслав усмехнулся.

– Я и не думал об этом...

– А ты подумай! – весело отвечал Илларион, и с этим они расстались.

Всеслав много думал потом о словах наставника. Та мысль, что он, ничем не примечательный отрок, имеет что-то, что отличает его от других, за что его можно ценить и дорожить им, была ему и неожиданна и приятна. Из лука стрелять да копье метать каждый может, для того большого ума не надобно! Честно сказать, Всеслав и в малеванье своем ничего особенного не видел, но раз отец Илларион думает иначе... И многие дивятся, когда увидят его работу – хоть фигурку глиняную, хоть что другое.

Наконец решился поговорить с дядей Тихоном, да лучше б не делал этого! Иль хотя бы начал разговор издалека, исподволь подвел бы к монастырю. Но мал еще был, неразумен, головушка горячая, вот и ляпнул с разбегу:

– Отпусти меня, дядя, в монастырь!

Дело за трапезой было. Тихон аж поперхнулся огненными щами, посмотрел, вытаращив глаза. Михайла тихонько засмеялся, взглянув на батюшкин лик – Тихон раздулся и покраснел, что твой самовар.

Едва сдержавшись, ответил ласково:

– Бог с тобой, племянничек! Ты посмотри на себя, какой ты у нас хлопчик удался – крепкий, статный, кровь с молоком... В военном деле удачлив, а хочешь себя под черный клубок спрятать? Не годится это.

Всеслав не готов был к отпору, молчал, потупясь.

– Да к тому ж, – продолжал дядька, – один ты кормилец у матери с сестрой. Сейчас, пока ты отрок, с тебя и спросу никакого нет, и я вам помогаю, не в упрек будь сказано. А как подрастешь – старшим в семье станешь. У Бога и без тебя всего много.

Михайла решил поддакнуть отцу:

– Правда, – начал он важно. – Что это тебе, братец, в голову за дурь взбрело... – но его прервал отец с помощью подзатыльника.

– А ты помалкивай! – рявкнул Тихон, наконец-то разозлившись. – Сам ни к чему не способен, на коне сидишь, как куль с г..., меч в руках не удержишь, а туда же! Чего ты-то в монахи не идешь?

– Нашли дурачка, – заныл Михайло, бочком вылезая из-за стола. – Там, чать, скукота одна!

Тихон хотел отвесить затрещину дерзкому сынку, но вместо этого кинул в него деревянной солонкой. Михайла притворно завыл и опрометью бросился из комнаты. Тихон устремил взор на племянника, который все время, пока происходила перепалка, сидел спокойно за столом, пережевывая кус недожаренного мяса.

– Скажи ты мне, что тебе в голову взбрело? – тихо, почти умоляюще спросил воевода. Странно, при взгляде на племянника, на этого ясноглазого, русокудрого отрока он испытывал что-то вроде смущения. Часто думалось ему, или даже, скорее, чувствовалось, что племянник знает что-то такое, о чем он, храбрый и мудрый воевода, даже и не догадывается. Или просто доселе мучила Тихона вина перед покойным братом?

– Ничего, – тихо ответил Всеслав, который тоже заробел, просто старался не показывать вида. – Отец Илларион говорит, я в монастыре малевать смогу. И иконы, и все...

– Про то он и мне говорил, – задумчиво произнес Тихон. – Да только вот о чем тебя прошу: погоди ты с этим. Не решай теперь. Погоди, подрасти немного. Ты не знаешь пока

радостей этого мира, потому тебе так легко от них отказаться. А когда поймешь, чего лишился – ох, как несладко тебе придется! Ан уж все, уж нерушимый обет дал. Давай так порешим: вот стукнет тебе пятнадцать весен – и вороти, что хочешь – слова противного не молвлю!

Так и порешили.

ГЛАВА 4

Время за хвост не поймаешь, с кашей не съешь, и глазом его не видать – а все ж есть оно, и крылья у него, верно, быстрые. Ишь, как летит! Давно ли, кажется, воевода Тихон привез из Новгорода осиротевшего мальчонку – родного своего племянника Всеслава, а уж тот мальчонка дядьку перерос и на поясах его перетягивает!

Всеслав в свои пятнадцать лет стал настоящим богатырем. Про него уж шептались: мол, скоро земля его носить не будет, как богатыря Святогора, о котором песни поются и сказки сказываются. А ведь отроку еще расти и расти!

И Всеслав рос, и радовался своей силушке. Иной раз и Тихон, улыбаясь, говорил ему: «Посмотрел бы на тебя твой батюшка, вот бы удивился!». И, правда, хоть в семье заморышей не водилось, но и таких орлов еще не было. Были все хоть и сильные, но кряжистые, в рост не шли, а только вширь. А тут и в плечах косая сажень, и вытянулся, как молодое деревце!

На Всеслава уж и девки заглядываться стали и начал он смутно догадываться, что за «мирские радости» имел в виду дядя Тихон, когда отговаривал его, Всеслава, от монастырского житья.

Помнил Всеслав тот разговор крепко и от намерений своих не отступился. Чем дольше, тем противнее делались ему военные игрища. Может, оттого, что слишком легко ему доставались победы, и не было в нем любования своей силой да мощью.

– Так меня Бог сотворил, ему я и благодарен, – говаривал он, когда, бывало, кто-нибудь начинал не в меру восхвалять его силу и ловкость ратную.

Малеванье Всеслав не оставил. Правда, теперь у него почти не оставалось времени для любимого занятия – князь Святослав Всеволодович взял его к себе в дружину. Самолично пригласил, такую честь оказал. За городской стеной, на днепровском берегу увидел он юношей, занятых воинскими играми, и сразу же выделил среди них юного кудрявого великана.

– Кто сей отрок? – спросил у приближенных.

Ответ не заставил долго ждать.

– Всеслав, племянник воеводы Тихона.

– Добрый отрок, – задумчиво произнес князь. – Призовите его ко мне.

Гридни, торопясь исполнить княжеское приказание, побежали к берегу и через некоторое время вернулись со Всеславом.

Парень был бледен и испуган, но держался спокойно, как человек с чистой совестью и душой.

– Здрав буди, князь! – воскликнул он, земно кланяясь.

– И ты будь здоров, отрок, – ласково сказал князь. – Кто такой, откуда? Говори!

– Я, князь, сын тысяцкого Романа из новгородской вотчины. Когда отец мой погиб на охоте – твой воевода, брат моего отца, взял меня в свой дом...

– Да-да, я и гляжу: знакомый лик. Так и быть: воздадим тебе по роду твоему. Быть тебе новгородской дружине. Да не робей! Племяннику воеводы не пристало краснеть, как девке. Будь понапористей, послужи своему народу!

Князь уехал, а Всеслав остался стоять на берегу. Ловил на себе завистливые взгляды друзей, а в душе ругал себя последними словами:

«Дурень я, дурень! Это ж надо – с самим князем разговаривать, а ничего и не сказать! Мне бы пасть ему в ноги – помилуй, князь, отпусти в монастырь! Если так радеет о служении народу – так ему и сказать: мол, послужи талантом своим. Отец Илларион говорил – быть мне знатным иконописцем. Дурак, дурак, проворонил свое счастье!».

Долго после этого переживал Всеслав, чуть не плакал, когда вспоминал. Немного утешил его Тихон – вечером того же дня, когда был его племянник замечен князем, сказал ему за ужином:

– За тебя, сынок, и мне от князя похвала вышла. Похвалили за то, что смог такого богатыря вырастить. А я и говорю – не растил я его, учил тому, что сам знаю. Смеется князь, по плечу хлопает. Тут я ему сказал – мол, хочет в монастырь идти, силу свою да удаль под черную рясу запрятать. А князь мне – отправь его домой на побывку – может, там и невесту сыщет! Хочешь, поди, домой-то?

– Хочу, – тихо отвечал Всеслав.

Да и как было не хотеть? С тех пор, как мальчонкой уехал он из родного дома с дядькой Тихоном – не видал ни сестры, ни матери. Время от времени доходили от них весточки – мол, живы, здоровы, нужды ни в чем не терпим. Тихон тоже им отписывал, посылал с нарочным гостинцы. Все собирался поехать в гости, да так и не собрался – дел много было.

Всеслав первое время сильно тосковал по матери, каждую ночь видел во сне ее ласковые глаза, чувствовал прикосновения мягких рук. Но проситься у дяди стеснялся, не хотел казаться малышом-сосунком, что за мамкину юбку держится. А со временем боль разлуки прошла, грусть уступила место другим чувствам и заботам. Привязанность к матери никуда не делась, понятное дело, и теперь Всеслав был очень рад, что дядька сам заговорил об этом. Но радости не показал, сдержался.

– Вот и поедешь. Теперь-то, пожалуй, не стоит – дороги развезло. А как подсохнет немного, так и в добрый путь! А коль сыщешь там зазнобушку, как князь сказал – может, там и останешься, матери на радость. Место тебе в дружине хорошее приурочено... Что воротиться? Аль что не то сказал?

Может, у тебя уже есть лада?

– Нет, – потупился Всеслав. – Да только... Сам знаешь, дядя, о чем я думал столько лет, чего ждал. Ты сам говорил – решать станем, когда я в возраст войду. Семнадцатый год мне пошел, а все никак.

– Вон оно что! – протянул Тихон. – Ладно, скажу я тебе так: поезжай к матери, испроси у нее благословения. Мне-то что, мое дело сторона – ты ей надежда и опора! Вот и делай, как она скажет.

Всеслав согласился со словами дяди и стал с нетерпением ждать лета, когда можно будем навестить отчий дом и испросить у матери разрешения на вечное служение Господу.

Но в то лето так и не удалось выбраться из Киева – пришла страшная хворь, поветрие, от которого человек погибал в два дня – маялся животом, кровью исходил. Лекари говорили, зараза по воде пришла и от воды же передается. Просили воду из реки не пить, но перед тем варить ее, пока ключом не забьет, и в бане мыться с щелоком. Многие не верили, но умирали все – кто варил воду и не варил – словно самый воздух полон был тлетворного яда.

Семью воеводы Тихона беда обошла стороной. Умерла только нянька Ольга, да и та не от болезни, а просто по старости. Словно застыдилась она жить, когда вокруг угасло так много молодых жизней, и тихо отошла в царство, где нет ни печали, ни воздыхания. Воевода очень горевал по своей няньке, и Всеслав с Михайлой тоже – всех их добрая старушка выпестовала, все выросли на песнях и сказках ее...

Похоронили Ольгу – воеводу отозвал князь в дальнюю вотчину, по делам. Дом остался на плечах Всеслава. Пора как раз была самая горячая – собирали урожай, в деревнях, где многие смерды перемерли от брюшной заразы, не хватало рабочих рук. Дел навалилось много, недосуг было. Потом опять развезло дороги, пришлось ждать, когда установится санный путь...

Всю жизнь потом корил и терзал себя Всеслав, что не поехал к матери. Пренебрег бы страшной заразой, горячей порой сбора урожая, дурными дорогами, отправился бы тогда – кто знает, как бы жизнь повернулась?

На исходе ноября дошла до Киева страшная весть – на вотчины новгородские напали половцы. Никто не ждал такой беды – давненько не видали лиходеев в тех краях, и большой урон они нанесли на сей раз. Награблено было много, и много людей – и воинов, и мирных жителей – полегло в неравной схватке, многих же увели в полон. Родной же дом Всеслава был сожжен дотла...

Услышав об этом, Всеслав заперся в своей опочивальне и три дня не показывался, не пил, не ел. К нему стучали, умоляли открыть – боялись, что наложит на себя руки. Собирались уже ломать тяжелую дубовую дверь, но убитый горем воевода приказал дворне не тревожить племянника. Он понимал – или думал, что понимает – его состояние. Парень крепкий, твердо верует в Господа и блюдет все заповеди. Авось, не сделает с собой дурного и выдюжит, найдет в себе силы пережить беду.

Так оно и случилось. Но когда к закату третьего дня Всеслав отворил двери, воевода аж присел со страху. Решил спервоначалу, что племянник умом двинулся: одет он был в кольчугу, в руках держал красный щит с Киевским гербом. За спиной – колчан, из него выглядывает лук. Все это снаряжение приказал сам воевода развесить по стенам Всеславовой горницы – чтобы смотрел и проникался ратным духом, чтобы оставил мысли о монастырских стенах. И вот теперь – гляди-ка, помогло!

– Прав ты был, воевода, – глухо сказал Всеслав, словно отвечая на мысли Тихона. – Не время теперь молиться, душу спасать. Землю русскую спасать надо от поганых половцев!

Хотя глаза Всеслава странно блестели, щеки ввалились, а движения были неверными, как у хмельного, – речь его успокоила воеводу. Еще бы! Три дня без пищи просидеть – не так еще осунешься! Хорошо, что от горя да от трехдневного поста прояснилось у парня в голове, забросил свои причуды.

– Слышу речь воина, – отвечал дядя. – Но не прямо сейчас собираешься ты идти на половцев, витязь? Надо бы сначала подкрепиться, а то тебя сквозняк шатает.

Всеслав усмехнулся, и у Тихона кольнуло в сердце при виде этой улыбки. Только теперь он понял, как изменила его племянника страшная весть. За считанные дни превратился он из беззаботного мальчишки в сурового и печального мужа. Воевода вздохнул и, взяв Всеслава за плечо, повел в трапезную – откармливать после долгого поста.

Всеслав слово свое сдержал – не поминал больше о монастыре, стал усерднее к ратным играм. Отец Илларион, пришедший как-то навестить своего ученика и его дядю, только вздыхал – он от всего сердца сочувствовал горю Всеслава, но надеялся, что именно это горе и обратит его к Господу. Оказалось же совсем наоборот – вместо черной рясы юноша одел блестящую кольчугу и горит не христианским смирением, а неумной жадой мести!

Но отец Илларион не мог даже догадаться, какие усилия приходилось прикладывать воеводе, чтобы удержать племянника от необдуманных и опрометчивых поступков! В светлую лунную ночь вывел как-то Всеслав из стойла своего коня, сам оседлал его. И ускакал бы, кабы дворня не заметила его и не донесла бы воеводе. Испуганный Тихон выбежал во двор и остановил племянника, уговаривая его всячески и умоляя не выезжать никуда в ночную пору. Позже Всеслав признался дяде, что измученный тоской и жалостью, собирался он один уехать в половецкий стан и пасть там в неравном бою, отомстив за смерть сестры и матери, за разорение родного гнезда.

Старый воевода чуть не плакал, когда узнал о намерении Всеслава. Тревоги ему прибавляла и еще одна семейная напасть – его собственный сын, Михайла, никак не проявлял желания пойти по стопам отца и стать доблестным воином. В отрочестве никто за ним такого не примечал – мальчонка рос буйным и шумным, ввязывался во все драки, в которые можно было ввязаться. Были у него, правда, и иные привычки, особенные, на которые ни отец, ни окружающие не обращали внимания – до поры, до времени. Любил он меняться с товарищами разными предметами обычного мальчишеского обихода – бабками, мячиками, кубарями и прочим. Да

не просто менялся, а с выгодой – так умел расхвалить негодную вещь, что товарищ только рот раскрывал! Не раз его уж и бивали за это, но и он спуску не давал, защищал свой интерес.

Тихона до поры не настораживали такие склонности единственного чада, но когда пришла пора ему решать – чем заниматься в жизни, как зарабатывать хлеб насущный – он заявил родителю, что выбрал для себя твердо и навеки купеческое дело. Воевода аж за голову схватился. Господи, что за отпрыски достались! Один несколько лет морочил себе и дядьке голову служением Господу, другой теперь заявляет, что хочет стать купчиком-толстосумом! Но Михайла твердо стоял на своем и твердил одно – не хочу, дескать, ратной славы, ценности ее не вижу и не понимаю, а купцу житье привольное, сытое да богатое!

И отец махнул рукой на сына – отсыпал ему из своей казны немалую часть звонкой монеты на обзаведение и отпустил с миром, втайне ожидая, когда парень проторгуется в пух и прах и вернется-таки на верную воинскую стезю. Но напрасно ждал – Михайло тут же обзавелся своей усадьбой на подоле, открыл лавочку, закупил товару – и дела пошли так, что любо-дорого! В одну зиму он не преуменьшил, но удвоил отцовские деньги, и Тихон уже ни слова молвить не смог против сыновнего дела – только усмехался и качал головой, дивясь – в кого он таким выродился?

Утешило его и то, что Всеслав не собирался сворачивать с воинской стези. Единственная беда, что развернуться ему пока негде было! Но и эта помеха оказалась временной – доблестный князь Святослав собрался объединиться с окольными князьями и идти войной на половцев. То было знойное лето 1184 года.

ГЛАВА 5

Легкий теплый ветер ласково гладил мягкий ковыль; оголодавшие за зиму стада вольготно паслись на сочной траве. В половецком стане одно пиршество сменялось другим: никогда не было такого веселья! Всяко бывало: жестокие сечи, победы и поражения, но никогда не случалось столь удачной поры, никогда половцы не приходили со столь богатой добычей. Хан Кончак раздувался спесью: подымая серебряную чашу, до краев налитую хмельным кумысом, клялся отдать всю Русь в добычу своим отважным воинам. К тому ж со дня на день ожидали приезда заморского батура, который умел стрелять живым огнем. Это да еще бодрый дух сытых и стойких войск Кончак считал залогом своей победы.

Но все это впереди, а пока хан пирует в белом войлочном шатре в кругу своих верных батуров. Смуглое его лицо, испещренное глубокими морщинами, надменно, осанка величава. Жизнь кажется ему прекрасной в эту минуту – кумыс шибает в нос хмельным духом, от блюд с бараниной и рисом валит вкусный пар, а рядом, облокотясь на ковриковые подушки, полулежит краса и радость, властительница дум всемогущего хана – Олуэн, его молодая жена.

Олуэн – полонянка. Отважные батуры наскоком взяли одну из русских вотчин. Немало было взято добра, немало пленников продано в заморье. В сладком опьянении битвой один из половецких знатных воинов увидел бегущую девушку, девчонку почти. Как дать уйти такой добыче? Но полонянка сопротивлялась, как дикая кошка, пустила в ход ногти и зубы. Вот и пришлось слегка приложить ее саблей – плашмя, конечно. Тут случился рядом великий хан. Отчитал батура – нехорошо, дескать, портить товар – за такую красавицу можно получить немало денег. Когда же говорил эти слова, пригляделся к девушке – и обомлел. С первого взгляда ранила она сердце старого хана, и он забыл свои годы. Взял ее в свой шатер и приказал старому шаману-лекарю Асану пользоваться ее как родную дочь. Дрожа от страха перед ханом, Асан взялся за дело и поставил-таки девушку на ноги. Только чудной она стала с той поры, как бы слегка повредила в уме. Ни с кем почти не говорила, даже имени своего не назвала. Когда пришло ей время стать женой хана – не высказала она ни радости, ни протеста. Молча терпела ласки своего покровителя и даже, очевидно, привязалась к нему, потому что ни разу не попыталась бежать. Хан же оказывал ей безграничное доверие. Он звал ее Олуэн – потому что черные, пушистые ее волосы напоминали грозовую тучу, и потому что никогда не улыбалась молодая жена великого хана.

Теперь она прикорнула рядом – не то дремлет, не то думает о чем-то своем, непонятном, нездешнем. Глаза закрыты, прекрасное лицо спокойно. На шее сверкает тысячами огней хрустальное ожерелье, на руках – золотые запястья, лоб украшен яркой узорчатой лентой с драгоценными самоцветными подвесками. Ничего не жалеет князь для своей милой Олуэн, все ждет – не улыбнется ли она? Но пока ничего не выходит, все также печальна юная жена...

А когда день начал клониться к закату и в травах сухо затрещали кузнечики, наводя тоску, и страшные звезды зажглись над неведомыми степными тропами – из-за реки прискакал усталый, почерневший от пыли воин и бестрепетно подошел к белому шатру хана. Перед ним расступались батуры, знали они: вернулся гонец. Подойдя к хану, молвил воин:

– Великий хан!.. Полчище русичей идет на нас, – и пошатнулся, и тут только стало видно, как он изможден.

Зазвенели боевые щиты, тревожным набатом разнесся звон по становищу. Отовсюду скакали всадники и во всех кибитках снаряжали воинов для похода – приторачивали оружие к седлам, собирали нехитрую снедь – вяленое мясо и сыр, жесткие лепешки. Жрецы молились о победе.

Полки выступили к рассвету. Впереди – сам могучий хан на вороном злом жеребце в серебряной сбруе. За ним – стрелки в походных халатах, полы подтянуты к поясу. Эти воины

бедны и незнатны, но их много – русичи завязнут в них, растеряются, и тогда доберутся до врагов конники с саблями. Следом же за ними – копейщики в добрых доспехах, в кожаных панцирях, в кольчугах. Это – самые знатные воины хана, опытные, могучие батуры. Их тяжелые копья пробивают насквозь самую крепкую кольчугу и разят насмерть. Их кони ступают тяжело – гудит широкая степь, стонет многострадальная земля.

Последними движутся тыльные войска – ведут в поводу запасных коней, несут оружие, стрелы. Там много женщин и стариков, мальчишек, которым рано пока в настоящий бой. Вроде и ни к чему это, но Кончак думает по-другому. Главное – напугать русичей, показать им, как много воинов у кипчаков. Даже на запасных конях, которых в поводу ведут, сидят соломенные чучела – пусть видит русский князь: половецких воинов – что песку морского, нечего и думать одержать победу!

Широкий след ложился за полками – траву выбили начисто. В ясном синем небе граяли уже вороны, чуяли поживу. Хан ехал впереди, сверкал богатым шлемом. Могучую силу чуял он за своей спиной и душа его была исполнена уверенностью.

Около полудня углядели издалика стрелки всадника, по виду – русского лазутчика.

Всеслав, узрев половецкие войска, развернул коня. Душа дрожала в нем – кипчаков было, как песку морского. Или со страху так показалось? Но князю решил доложить – много, мол, поганых.

Выслушав весть, Святослав усмехнулся, разгладил бороду. Спросил только:

– Один Кончак идет, без подмоги?

– Про то мне неведомо, – тихо ответил Всеслав, опустил голову.

– Что ж ты, лазутчик? – попрекнул князь незлобливо. – Нешто не учили тебя половецких стягов различать? Ну да ладно, невелика беда. Сейчас сами подойдут, увидим.

Степь далеко видна – ни холма, ни перелеска. В жарком, недвижимом воздухе уже слышен конский топот, слышен невнятный гул – скачет, катится огненным валом половецкая орда. И когда словно ночная тень поднялась над окоемом – русские полки подняли хоругви, ошестинились пиками. Князь Святослав, привстав в седле, оглядывал войско, глаза его по-молодому блестели. Всеслав порешил даже, хоть и не ко времени было о таком думать – коль Бог даст, нарисовать князя таким – в блестящей кольчуге, в чеканном шлеме. А как переливается на ветру алый плащ, как сверкают дорогие самоцветы на ножнах! Белоснежный, долгогривый княжеский конь горячится, переступает с ноги на ногу. Всеслав вздохнул прерывисто, возвращаясь из мира своих мечтаний, и князь этот вздох услышал.

– Ишь, богатырь, чуть не снес меня. Силищи в тебе... Да не смущайся, как красная девка. Боишься?

– У меня с половцами свои счеты, – угрюмо отвечал Всеслав.

Святослав кивнул:

– То же тебе любой воин скажет. Слушай-ка...

И было что послушать.

– Господи, оборони! Господи, помоги одолеть поганых! – вопил кто-то почти радостно.

– Не робейте ребята, всем миром навалимся – одолеем!

Враги уже надвинулись близко – можно было различить масть коней. Всеслав беспокоился, оглядывался по сторонам – что ж медлит князь, вроде пора уже бить? Но Святослав был спокоен, на вражескую лавину вроде и не смотрел – напротив, повернулся к своему войску.

– Слушай меня, русское воинство! – громогласно крикнул он, и тут же затихли разговоры, даже кони приумолкли. – Всем миром идем на окаянного врага. Давно уж разоряет хан Кончак землю русскую, плач и погибель несет в наши селенья. Камня на камне не оставляет за собой, где пройдет он – земля слезами да кровью умывается. Так постоим же, братие, за нашу волю!

– Постоим! – пронеслось по войску. – Умрем или победим! Веди нас, княже!

Всеслав вглядывался в лица стоящих рядом, стараясь запомнить выраженья их. Вот щупленький парнишка в богатых доспехах. Боится, видно, моркотно ему – пожимает губы, щурится, беспокойно щиплет пушистый ус. Тонконогая кобылка под ним ржет тоненько, залиvisto —тоже страшится. А рядом – бывалый, закаленный в бою воин. У того взгляд злой, сосредоточенный, брови сдвинуты. Конь его стоит как вкопанный – настоящий конь, богатырский. А этот, видать, гуляка-парень – веселый, злой. Балагурит, поддерживает товарищей.

На себя Всеслав глянуть не мог. А кабы смог – увидел бы рослого, могучего витязя с ясными, как небо, глазами, с волосами цвета спелой пшеницы... И в лице его – небывалое: не ярость ратная, не страх перед гибелью, не удаль молодецкая. Странная уверенность светила из очей Всеслава, уверенность и умиротворенность. Словно не на поле перед боем стоял он, а во храме Божиим пред чистыми ликами образов, словно и сам он не воин, в любую минуту готовый встретить гибель, а неуязвимый, богоспасаемый ангел...

Команда выступать вырвала Всеслава из размышлений. Войско тронулось вперед. Кто-то громко читал молитву, кто-то затянул боевую песнь – и многие подхватили нестройно. Впереди двигались боярские дети. Князь Святослав не хотел по примеру хана Кончака прятать их за спины воинов попроще. Говорил – пусть отвагой своей подадут пример прочим. Следом шла дружина, ратные витязи, а уж за ними – пешие воины, вооруженные чем Бог послал – топорами, рогатинами, а то и просто дубинами.

Кони ржали тревожно. Над степью летели птицы, и казалось – спешат они куда-то, словно спасаются.

Хан Кончак был спокоен и светел. На небольшом пригорочке для него разбили шатер, откуда он смог бы наблюдать за боем и тешить гордость видом бегства русичей. Полки его уж были выстроены в боевой порядок, когда прозвучали русские трубы. Их слышали даже в половецких тылах и вызвали удивление они немалое – нечасто случалось так, чтобы русичи первые шли в бой. Ума, что ли, лишился Святослав, или хмельным упился?

Хан подивился, но не испугался. Эко диво – русская отвага, слепая, яростная! Беда русичей в том, что и в бою они каждый сам за себя – ничего не стоит разобщить их и разбить поодиночке. На этом и был построен расчет Кончака – налетит конница и уведет за собой часть русского войска к ближайшему лесочку, где уж залегли отважные батуры. Там-то растерянным воинам и конец придет, а уж оставшихся добьют отборные войска копейщиков.

Мудр и хитер был хан Кончак, что и говорить! Только загордился, ослеп от спеси. И мысли ему не пришло, что русичи тоже кой-чему научились, успели понять – сила в единстве.

...Черная туча стрел обрушилась на русское войско, но, помня опыт прежних сражений, русичи держали наготове высокие червленые щиты. Они и защитили от стрел, а вот кипчаки немало пострадали от тяжелых копий, что из-за этих щитов вылетали беспрерывно! Войско продвигалось вперед медленно, тяжело, но твердо – казалось, по полю движется сплошная стена из щитов.

Легкая конница налетела на эту стену. Кипчаки визжали и кричали так, что у самых бывалых воев кровь стыла в жилах. Но не дрогнули, не рассыпались, крепко держа в памяти ратную науку – продолжали двигаться вперед, отбивая атаки. И когда кипчакская конница свернула в сторону, надеясь заманить русичей в лапы засаде – русичи не стали преследовать ее, но еще крепче сомкнули щиты. Теперь под их ударом оказались копейщики.

Две армии сшиблись – и закипел бой. Звон булата мешался с криками боли и ярости, со словами молитвы и руганью.

Всеслав сражался рьяно – половцы так и валились вокруг него. Что и говорить, в ближнем бою плохие они были бойцы, но как же их много! Бесконечная круговерть свирепых оскаленных лиц, диких, лютых... Но пугаться было некогда – разил направо и налево, без злобы, но даже как-то весело.

Сражение было в разгаре. Предсмертные и победные вопли смешивались в один неумолчный, страшный гул. Тревожно ржали кони, но звон булата о булат заглушал почти все звуки.

Святослав стиснул губы, ноздри раздувал широко. Не раз кидался в бой, но неизменно верные слуги оттесняли, кричали в голос, не робея: «Побереги себя, князь-надежа! Коли убьют тебя – и победу убьют!» пришлось остаться в стороне, только подавать команды воеводам и тысяцким. Но кровь кипела – кинуться в бой, разить поганых кипчаков, собой подать пример воинам. Хоть они и без того лихо сражаются. Взять хотя бы Всеслава-богатыря.

Всеслава было видно даже в такой адской сече. На голову выше самого высокого своего соотечественника, среди кипчаков он выделялся и подавно – богатырским ростом, статью. Он стоял, как скала, и как волны, накатывали на него смуглолицые, визжащие кипчаки. Волна приходила и уходила, оставляя у подножья скалы убитых. «Добрый воин!» – качал головой Святослав, и вдруг расширил глаза.

– Что за черт! – обмолвился темным словом и привстал в седле. Теперь он видел ясно – рядом с Всеславом стоял воин, такой же огромный, как и он сам, в невиданных темных доспехах. Святослав зреньем обладал отменным и потому ясно разглядел богатую двойную кольчугу воина – каждое звеньишко украшено самоцветом – и шлем, отороченный алым, и меч в руке воина – чудной меч, нерусского вида. Лезвие его было красно от крови – от крови ли? Красный свет резал глаза, проникал в душу... И забоялся чего-то князь, неустрашимый Святослав – даже руку поднял, чтоб совершить крестное знамение. Глядь – а рядом с Всеславом и нет никого!

В то время волна половцев спала. Всеслав возвышался над горой трупов, огороженный ими, как крепостной стеной. Кипчаки кружили вокруг, орали что-то, но близко подойти уже не решались – видели судьбу товарищей. Теперь князь ясно понял – то, что принял он за темного воина, было всего лишь тенью богатыря. А что тень вроде как живая была, и в доспехах, и с мечом – так что по такой жаре не привидится?

Солнце и в самом деле палило нещадно. Воинов – и русских, и кипчацких – мучила жажда, руки, держащие мечи, устали смертельно. Доспехи и оружие показались вдвое тяжелее. У всех одинаково запеклись губы, саднили раны, накалились доспехи. А кое-кому было уж все равно – множество убитых лежало под ногами, порой воин ступал на мягкое, на неостывшее еще человеческое тело, но некогда было разбирать – свой ли, враг ли?

Как весел был хан Кончак на закате минувшего дня, так скорбен он был теперь. Вырвавшаяся из-за пригорка конница русичей смяла, смыла кровавым потоком вражеское войско, и половцы стали спешно отходить в степь, оставляя за собой окровавленную, утопанную землю. Половецкие повозки под горестные вопли рассыпались по степи. Пали стяги. Всеслав от радости не чуял, как ноют натруженные руки, как стекает кровь по лицу – кто-то из половцев задел-таки саблей.

Кончак приказал трубить отступление к становищу. Скрипел от злости зубами, не понимал даже, что случилось. Странно ему было, что киевский князь победил свою спесь и объединился все-таки с окольными князьями, сколотил такую армию!

Остатки разбитых половецких полков спешно отступили. Русичи также отошли, взяв многих пленных, и до утра на взгорье ярко, весело пылали костры – воины правили победный пир. Вместе с простыми ратниками сидел у огня князь Святослав – от радости позабылись чины. И Всеслав сидел рядом со всеми, но грустен был его взгляд. Когда провозглашали очередную здравицу, он встал тихонечко и отошел в сторону.

После жаркого дня ночь в степи наступила прохладная. Бездонное небо, как чаша, висело над миром. Всеслав лег на спину, закинув руки на голову. Глядел на звезды, думал. Не думал даже – что-то ворочалось в груди, тоска какая-то невнятная. Отгонял от себя напасть, старался помышлять о божественном – о том, что там, в необозримой выси, за синей тьмой – светлый

Божий престол, ангелы поют сладкогласно, цветет и сияет райский сад... Но тревожны были думы – припоминались оскаленные рожи половцев и то ощущение, когда меч погружался в живую, бьющуюся человеческую плоть. Крушил, калечил, рвал – живого человека!

«Не все же они изверги», – так размышлял Всеслав. – Есть, быть может, и добрые люди среди них. Кто-то, кто так же как я любит на звезды смотреть, любит мать свою, землю свою. Впрочем, нет у кипчаков своей земли. Ну, так что же? Так им дано законом, заветом предков. И вот этот человек не был ни в чем виноват, а в бой его послал хан. И он пошел – чтобы не выглядеть трусом, чтоб не смеялись над ним другие кровожадные воины. А может, и у него был, как у меня, дядька, и он говорил, что обязательно надо стать отважным воином. А я его убил сегодня...»

От таких мыслей совсем тошно стало и муторно. Но кто-то словно подстегнул. Совершенно явно для себя богатырь услышал рядом чей-то голос.

– О чем печалишься, витязь? – нашептывал он. – Что тебя гнетет? Это враги твои, они дурные люди. Они сами на тебя напустились, преградили тебе путь. Ты должен убить всякого, кто стоит у тебя на пути, а не то он убьет тебя – таков закон жизни. Многие твои предки жили по этому закону и добывали себе славу и богатство. А ты чем лучше? Не бойся ничего – я всегда с тобой, я помогу тебе...

От этих слов Всеслав аж подпрыгнул. Голос сразу исчез, растворился во мраке.

«Наваждение какое-то», – решил витязь и перекрестился дрожащей рукой. – «Это нечистый меня смущает».

И показалось Всеславу, словно рядом кто-то тихонечко засмеялся.

В лагере все уж были изрядно пьяны. Всеслав только головой качал, обходя тела лежащих вповалку товарищей. Не осуждал – рады люди, что замертво лечь не пришлось, вот и довели себя до пьяного дурмана. Сам Всеслав в вине толка не понимал, радости от опьянения не чувствовал. От стаканчика меда становилось весело, тело делалось легким, мысли – светлыми. Но от хлебного вина, от избытка пива мучительно начинала болеть голова, находило отупение. Этого Всеслав не любил, но ведь иной раз на пиру словно дьявол под руку толкает – покажи да покажи удаль молодецкую! А наутро – тоска...

Даже во хмелю Святослав с пособниками не забыли об осторожности – выставили дозорных. Крепко попало хану Кончаку, так ведь он тварь коварная и хитрая – нападет, чего доброго, под покровом ночи на храпящий пьяный лагерь, возьмет голыми руками. Всеслав тоже вызвался стеречь – спать все равно не хотелось. Мучительно ныли руки-ноги, и в груди билась тревога.

В эту ночь все обошлось – хан не решился напасть на спящий лагерь. Говорили, правда, дозорные, что слышали вокруг шепот, шаги, и словно оружие бряцало... Но воин Кузьма, что прибежал на подозрительные звуки, увидел только Всеслава – и остолбенел: отважный витязь, первый богатырь, любимец князя... молился и клал поклоны, как смиреннейший монах! Хотел было посмеяться лихой парень Кузьма, да вовремя вспомнился. Над таким битием смеяться – себе дороже, пожалуй, и ноги не унесешь. Подумал так – да и пошел своей дорогой.

ГЛАВА 6

Казалось, та ночь, полная тягостных раздумий, должна была изменить всю жизнь Всеслава. Но нет – все пошло, как и раньше. Слава, которую добыл он себе в бою с ханом Кончаком, не меркла, не тускнела. На виду оказался молодой богатырь, и теперь назойливо зазывали его на пиры не последние люди в Киеве. Но пиры Всеславу порядком надоели – обжираться да обпиваться он не мог, не хотел, а иных развлечений не предвиделось.

Кроме того, мучила Всеслава тоска по матери и сестре.

Когда живы они были – знал, что в любой момент можно собраться и нагрянуть к ним, оттого и не скучал даже. Теперь же мучительно пытался восстановить в памяти черты родных лиц. Думал о матери – но видел перед собой лишь расплывчатое белое пятно, дышащее теплом, пахнущее чабрецом, мятой и свежее испеченным хлебом. Сестрицу помнил отчетливей – черную, как смоль, головку, глаза-черешни, пухлые ручки и нежный, детский лепет, с которым она обращалась к любимому братцу... Но все равно единый образ не складывался – даже отца Всеслав помнил лучше! – оттого терзался виной и болью, и чем-то еще, невнятным, непонятным.

И однажды, беззвездной, тревожной ночью, это «что-то» пришло и стало у изголовья, и Всеслав понял – он не верит до конца в то, что мать и Нюта действительно мертвы. Потому ли, что не видел их могил, оттого ли, что так долго был с ними в разлуке – не верил, не хотел верить, что их больше нет!

Терзаемый сомнениями и странными предчувствиями, пошел к дядьке – поделиться.

Воевода Тихон был уже немолод, но бодр, весел, светел разумом, как и в былые годы, а жизненный опыт сделал его более терпимым и спокойным человеком. Он выслушал Всеслава и произнес:

– Что ж, сынок, поезжай на родину. Боялся я с тобой расстаться, да видно, пришла пора. Пойди в дружину к Игорю Святославовичу – тебя, такого богатыря, повсюду примут с радостью, за честь почтут. А там и про родню свою узнаешь... – и ясный взгляд Тихона вдруг заволкло туманом, он глубоко вздохнул.

– Что ты, дядя? – тревожно спросил Всеслав. – Аль прихворнул?

– Да нет, – медленно, словно с трудом, произнес воевода.

– Мучает меня, сын, вина горькая.

– Да в чем же твоя вина? – удивился Всеслав.

– То дело давнее, уж никто его и не помнит, кроме меня. Ведомо ли тебе, отчего мы с твоим отцом не виделись столько лет, и о гибели его внезапной я от чужих людей спознал?

– Ведомо, – растерянно отвечал Всеслав.

– Хорошо... А может, тебе и то ведомо, отчего такое приключилось?

Всеслав покачал головой. Из глубин памяти всплывали слова, сказанные кем-то из родичей, или из дворни, и подслушанные им: «не поделили».

– Люди говорили, не поделили вы чего-то, – робко начал Всеслав.

– Точно, – глухо сказал Тихон, поднимая на Всеслава глаза. – Матушку твою, покойницу, мы не поделили. Она, видишь ты, любя мне была, а сама братца моего выбрала. Оно и понятно, они друг другу под пару были. Веселые да светлые, аки голуби. А я, увалень такой, никому не нужен стал. Вот и разобиделся.

– Неведомы мне такие волнения любовные, – ответил Всеслав. – Но, пожалуй, я тебя понимаю. За что ж ты себя винишь?

– Ты дальше слушай. Жизнь-то семейная у меня не задалась – женился от горя да с досады, чтоб Татьяну из сердца вырвать. Сам знаешь – матушка Михайлы, царствие ей небес-

ное, родами умерла, мальчонку мне на руки оставила. Грех так говорить, а все ж скажу, ничего не утаю – может и хорошо, что так-то вышло. Как бы я с ней жил, с нелюбимой, немилой?

Тихон передохнул и продолжал:

– А когда я про смерть братца узнал да поехал к вам – уж знал, что тебя под опеку возьму. Да только другая у меня задумка была. Честно тебе говорю – лелеял я надежду матушку твою в жены взять. Какое-то время выждать, как полагается, да и окрутиться... Думал – согласится она, одной-то с двумя детишками трудненько, мужик в доме нужен, опора и защита. Да заробел, не смог ей ничего сказать. Решил только вот тебя забрать, растить так, словно сын ты мне...

– И не сказал? – тихо спросил Всеслав.

– Заробел, – согласился воевода. – Как юнец заробел! А ведь не о баловстве думал – годы мои уж не те. А она, может, и ждала, что заговорю. Как ты мыслишь?

– Может, и ждала, – уклончиво ответил Всеслав.

– Так вот о том я и думаю – коли не струсил бы, и забрал ее и с девчонкой сюда – были бы живы обе. Вот и рассуди, есть за мной вина, ай нет?

Всеслав молчал, понурившись, но, услышав вопрос, встрепенулся.

– Нет, конечно! – воскликнул горячо. – Кто ж знать-то мог, что такое случится? Не казни себя, не поминай об этом!

– Ладно, – вздохнул воевода, поднимаясь. – Собирайся в путь-дорогу. Да обо мне не забывай, парень. Знаю – путь неблизок, службы у тебя там много будет, а все равно – наезжай почаще к дядьке. Я тебе всегда помогу, ежели беда какая.

Всеслав крепко обнял воеводу, глядя на него сверху вниз. В это мгновение он ясно припомнил, как Тихон приехал за ним в Новгород, как Всеслав впервые увидел его на пороге. Каким великаном – рослый, широкоплечий – показался он тогда! А теперь воевода хоть и не похож на немощного старца, которого ветром качает, но сдал сильно, усох, даже ростом меньше стал – вырастает в землю.

– Экий ты медведь, племянничек! – Тихон высвободился из объятий и к нему вернулся его обычный, добродушно-насмешливый тон. – Чуть ребра мне не помял!

Тебя, парень, и женить нельзя будет – раздавишь жену, заспишь!

И с неудовольствием заметил, как покраснел племянник.

Всеслав выехал на заре. Роса еще не высохла, и вся степь сверкала в первых лучах восходящего солнца, словно осыпанная драгоценными камнями. Ранние птахи пробовали голоса, ветерок шевелил травы – и от всего этого уходило смятение, а в истерзанной душе селился долгожданный покой. Только одно смущало и мучило – вчера зашел Всеслав попрощаться перед отъездом к Михайле.

Встречен был ласково. Хотя хозяин уже отобедал – снова велел накрывать большой стол, потчевал гостя от души. Всеслав поглядывал на брата, дивился. Вот как на человека покойная-то жизнь действует! Размордел Михайла, отяжелел. Стати воинской пока не потерял, но уж жирком подергиваться начал. Уловив взгляд Всеслава, Михайло усмехнулся.

– Вот как живем, братушка! Это вы там в тревогах, в сражениях лишнюю тягость растряхиваете. А у нас жизнь мирная. Взял товар – продал – барыш прихватил. И сиди на печи, чеши пузо! Оттого и тяжелею.

– Хорошо, значит, дела идут? – спросил Всеслав, пытаясь уйти от щекотливой темы.

– Да уж куда лучше! Хотя, если добром помыслить, могли б и лучше идти. Разговор у меня к тебе будет.

– Ну? – Всеслав отчего-то – и сам не понял, отчего – насторожился, даже привстал. Но Михайла засмеялся.

– Да ты сядь, не прыгай. Выпей лучше со мной.

Михайло потчевал гостя и следил, чтобы кубок его не пустел. Всеслав, однако, пил мало, зато хозяин к концу обеда налил до краев. Здравого смысла, столь необходимого торговому

человеку, не потерял, только глядел ословело. Всеслав чуял, что недаром братец его подпайвает – верно, хочет о чем-то попросить, чего-то вытребовать. Но особенно не волновался – с него, сироты, взять нечего. Оказалось, нашлось...

– Вот что, братка, – зашептал, наконец, Михайла, перегнувшись к Всеславу через стол и обдавая его крепким, хмельным духом. – Говорят люди, и батюшка мне не раз сказывал, что к тебе перешел оберег наш родовой.

– Ну! – кивнул Всеслав. – Не первый раз мы с тобой, брат, этот разговор затеваем...

Давным-давно, еще когда мальчонками были оба, пытался Михайла выпросить у брата перстенок батюшкин заветный. Какие только сокровища не обещал взамен – и битую новую, и сокола своего ручного, к охоте уж приученного. Всеслав – ни в какую. А когда воевода проведal о происках своего сына – сделал ему порядочное внушение, так что тот три дня садился, морщась. Но, видно, забыл Михайла ту науку.

– Так зачем он тебе? Посмотри: неудачный ты у нас. Не в обиду тебе будь сказано – отец лихой смертью погиб, а за ним и мать с сестрицей твоей. Сам ты в монастырь идти вздумал. Тоже не Бог весть какое счастье. Только и чести, что богатырем уродился – так в нашем роду мелких и не бывало никогда! Значится, не в пользу тебе оберег-то идет.

– Странно ты, братец, рассуждаешь, – задумчиво ответил Всеслав. – А что, ежели судьба моя совсем другая была? Что, если начертано мне было умереть, когда весь Киев животом смертельно маялся, или когда князь на половцев пошел? А я вот жив, и какую-никакую, а добыл себе славушку. Не такой уж неудачный я, как ты говоришь!

– Да ты не обижайся, не для того сказано. Сам посмотри, как наши отцы-деды жили, кому перстень доставался? Сразу из грязи в князи, сразу богатство приваливало. Воеводу-то помнишь Владимирова? В Константин-град ездил за верой христианской – во как! Сколько богатства нажил, какую славу себе сыскал! Да и твой батюшка, земля ему пухом, неплохо пожил. Из простых дружинников в тысяцкие за невесть какие заслуги угодил, забогател...

– Ты отца моего не трогай! – Всеслав давно уж сдерживал себя, но тут вспылит-таки. – Отец мой своим умом да храбростью всего добился. Да ты на батюшку своего посмотри, коли уж у нас о том речь зашла. Он в воеводы выбился без всякого оберега!

– Ну да, ну да, – умиротворяюще забормотал Михайла, видимо, испугавшись. – Да и не о том я вовсе говорю! Просто я человек торговый, у меня все от удачи зависит. Такое дело – чуть ошибешься, по миру пойдешь. А ты, скажем, не передумал насчет монастыря-то?

У Всеслава отлегло от сердца. Слава Богу, бросил братец свою задумку. Ответил спокойно, ровно:

– Про то пока не ведаю. Хочу узнать, что с матушкой моей и сестрицей приключилось. Может, не умерли они? Спрятались где-нибудь, приютили добрые люди. Или в полон их угнали. Найти бы их тогда... Как мыслишь, может такое быть?

– Что ж, всяко бывает... – задумчиво ответил Михайла. – А как выяснишь, так что?

– Может, потом и в монастырь пойду. Сам знаешь, дяденька меня тогда тем и отговорил – мол, каково семье без кормильца. Коли живы они, коли нужен я им еще – буду для них стараться, всю жизнь положу. Искуплю свою вину, что покинул их, дал в обиду. А коли нет... Пойду, пожалуй, и в монастырь.

– А тогда отдашь кольцо? – спросил Михайла.

Всеслав хотел рассердиться, но передумал – братец спросил его как-то по-детски жалобно, умоляюще, что пришлось только улыбнуться ему.

– Вот тогда и поговорим.

Теперь Всеслав вспоминал тот разговор, и он все больше и больше не нравился ему. Сам он в силу оберега не очень-то верил, ценил его как последний дар отца. А не понравилось ему в разговоре то, что Михайла так решительно поставил на нем крест. Выяснял, не собирается ли он удалиться в монастырь! Ежу понятно – если идешь в монастырь, значит, обрекаешь себя

на безбрачие, на бездетность. Заранее боится оглядчивый братец, чтоб сокровище не ушло в чужие руки, жаждет им завладеть прямо сейчас!

С неожиданной для самого себя нежностью Всеслав взглянул на кольцо. Вроде и невзрачное оно, а повернешь эдак – и в камне переливаются, вспыхивают багровые огоньки. Один, другой, ближе, дальше... Глаз не оторвать! Как отдать такую красоту, да еще и отцовское благословение?

Через несколько дней скрылась за перевалами степь, начался дремучий лес. Сквозь непролазную чащобу едва-едва пробивается узенькая тропочка. Проложили этот путь еще при Игоре Святославовиче, а обновил Владимир Мономах. Ходили этим путем монахи – крестили водой и огнем непокорное племя лесных язычников. Ходили и купцы – возили из Киева на торги свои товары. Коли добирались – получали барыш немалый. Да только солоно приходилось купеческому обозу в этих дебрях. Случалось, проходил по лесу молодецкий посвист, а вслед за тем валялись с деревьев, как спелые яблоки, соловьи-разбойнички. Купчику – кистень в лоб, себе – товары или барыш. Честная дележка!

Рассказывали люди и про лихого разбойничка Есменю Сокола. Велик был ростом, повадкой вальяжен. Говорили – из княжеских, дескать, детей, да обидели его, байстрюка, выбросили из вотчины. С тех пор и бесчинствует по лесам. Становится на пути у обоза, в одиночку. Просит добром, тихим голосом: «поделитесь-де, ребятушки». Неопытные купцы за дурачка его принимали, шугали с дороги. Но стоял он крепко, а тут и соколики его подоспевали. Но повадка у Есмения была почище княжеской – предлагал самому крепкому из купцов биться на кулачках. Побивал купца и грабил обоз, кто воспротивится – убивали его товарищи. Но, говорили, если кто победит его – отпускал с миром, да и награждал еще. Да вот только неведомо, случалось ли такое.

Правда, объявлялись время от времени люди из торговых да из ратников, которые уверяли, что нос к носу столкнулись с Есменем Соколом и побили его в честном бою. Но все они говорили разное, и так безбожно ввали, что самые неприхотливые слушатели морщились и чесали затылки.

Всеслав улыбался про себя, вспоминая разные байки про лесной татебный народец, про коварных язычников, что до сей поры обитают в этом лесу и приносят своим богам в жертву живых людей, про прочую тварь лесную, уж совсем небывалую – кикимор, лесовиков. Так призадумался, что не услышал тот самый посвист молодецкий, о котором столько баек слышал. И очнулся от дум лишь тогда, когда, как в сказке, встал на дороге огромный, рыжий детина в доброй одежде, в сапожках и красной шапке даже.

Всеслав обомлел так, что даже испугаться не догадался. Да и не к лицу было витязю пугаться лихого человека, так что даже хорошо вышло.

– Мир тебе, добрый человек, – сказал только.

Детина усмехнулся.

– Надо ж, давненько доброго слова не слышал. Ну что ж, и тебе того же... добрый человек. Не побрезгуй, поговори со мной, мужиком неотесанным. Куда путь-дорогу держишь?

– Еду на родину, в Новгород. А ты ушел бы с дороги. Брезгать не брезгую, да недосуг мне лясы точить, уж не обессудь.

– Ишь ты, какой скорый! – парень прищурился, смотрел на Всеслава с усмешкой. – А коль не пушу?

Всеслав глубоко вздохнул несколько раз – это помогало ему сдерживать свой горячий нрав – и спокойно произнес:

– Тогда придется тебя с пути убрать. Не охоч я до драк, да что ж поделывать?

– Да уж, делать нечего, – согласился его собеседник. – А ты, парень, бесстрашный, как я погляжу. Аль не знаешь, кто я?

Тут-то Всеслав и испугался. Кто он такой – догадался сразу, как только взглянул, но не решился себе в этом признаться.

Может, и приумножила молва мощь Есменя Сокола, но на него посмотреть стоит! Ростом будет выше даже Всеслава, который в Киеве почитался богатырем, но плечики поуже будут, а лапищами такими землю без сохи пахать можно!

Смеряв взглядом противника, Всеслав заметил:

– Знаю, кто ты. Есмень Сокол, не иначе. Только вот не пойму, почто ты себе такую долю выбрал – людей обижать, чужим трудом жить?

Есмень Сокол неожиданно захохотал, широко открыв рот.

– Ну и парень! Ну, умыл так умыл! Видно сокола по полету, добра молодца по соплям! – и тут же перестал хохотать, как отрезало. – Биться будем? – спросил деловито.

– Можно, – согласился Всеслав и спешился.

... С первых мгновений боя разгадал он хитрость Есменя. Тот на рожон не пер, не наваливался, как медведь – хитрой лисой кружил, от ударов уходил легко – выжидал время, когда противник рассвирепеет, ярость глаза ему затмит. Тогда и бил наверняка, валил одним ударом. Хитер оказался Сокол, да Всеслав и сам не прост. Разгадал соперника, начал делать, как и он. В ближний бой не лез, от ударов уклонялся. Есмень был легче, проворнее, да видать, привык к легким победам – зазевался, пропустил удар, потом еще один... Тут-то и разъярился, зарычал, сам нарывался на кулаки – ослеп от ярости.

Всеслав держал себя в руках, рассудком был тверд и ясен. Не бой даже занимал его мысли теперь – ждал одного мига, о котором стал призадумываться со времен последнего боя с половцами. И узнал его, уловил – вот!

Внезапно помутилось в глазах, закружилась голова. И вдруг стало легко, так легко двигаться! Пропал страх, усталость, тоска – а на смену пришла не злоба даже, а жажда смерти врага. Спокойная, ровная жажда – нужно убить, и все тут!

Приметил это за собой Всеслав, когда рубил половцев направо и налево. Тогда не стал раздумывать, да и недосуг было в бою-то. Не сдержался, дал себе волю – но тут-то не половец поганый перед ним! Крещеная душа, свой, русский человек, хоть и разбойный. И, дождавшись, когда схлынет дурнота, остановился, как вкопанный.

Есмень, видно, испугался – решил, что противник задумал какую-то хитрость. Но, видя, что тот стоит неподвижно, успокоился. Утер рукавом кровь с разбитой рожи, через силу улыбнулся.

– Крепко ты меня, – сказал с трудом.

– Будет, что ли? – так же трудно спросил Всеслав. – Отпусти меня, хватит уж...

Тут только догадался оглянуться – из-за всех деревьев вокруг глядели разбойнички. Десятка два их было точно, и видно – народ все закаленный, отчаянный. На Всеслава смотрели с почтением, без злобы.

– Куда ж я тебя теперь отпущу? – усмехнулся Есмень Сокол. – Аль обычая не знаешь? Теперь попировать следует, хмельным вином смыть кровь и обиду. Ты, молодец, здорово меня побил, и держался хорошо. Многому меня научил. Так что ты теперь вроде как брат мне. Как звать-то тебя, друже?

– Всеславом.

– Доброе имя. Пойдем-ка, гостенечек дорогой, в мои хоромы, потчевать тебя буду.

Не без трепета шел Всеслав за разбойным атаманом. Темные мысли не оставляли – вдруг заманить да убить хочет, отплатить за обиду? Но опомнился и порешил так: коль хотели жизни лишиться – далеко ходить не надо, могли бы прямо на той тропке всем миром навалиться. К тому ж Сокол был весел, шутил по-доброму. Через малое время вышли на делянку. От землянок, покрытых ветвями, шел теплый, живой дух, на вековой сосне висели чьи-то отмытые портки.

– У нас тут и бабы есть, вот как! – похвалился Есмень. – Кто из ребятушек женок своих на вольную жизнь привел, кто девок с бою отбил. Да теперь ничего, не жалуются. Уж и детишек наплодили, никакого покою от них нет!

И правда – из одной землянки доносился детский плач и тихий женский голос говорил: «Ну что ты, что ты, маленький!».

Под деревьями поставили сработанный для таких случаев длинный стол, и бабы стали стаскивать на него угощение. Всеслав только дивился – кажется, какая тут, в лесу, снедь найдется? Мясо с травками, да и все. Но стол поражал изобилием – не только мясо, разными способами приготовленное, но и сочные плоды – точно уж не лесные дички! – и хмельной мед, и заморские вина, какие и князь не отказался бы испробовать, и прочие кушанья. Некоторым Всеслав и названия не знал. Взял со стола, с деревянного, точеного блюда, круглый плод солнечного цвета.

– Заморское яблоко, – подсказал чернобородый, коренастый мужичишка. – Недавно проезжие купцы целый ларь подарили. Сверху вроде как скорлупа, она невкусная, а внутри – сласть великая, не хуже меда.

Всеслав ногтем расковырял толстую, мягкую «скорлупу», снял ее со всего плода, надкусил. В рот брызнул сладко-кислый сок, вкус был незнакомый, слишком резкий к тому же, но приятный, освежающий.

– Это ж надо, сколько всего на свете, чего мы не знаем! – поделился с примостившимся рядом на скамье Есменем.

– Это точно, – согласился он, поскуцнев лицом. – Вот так посмотришь – что в стольном граде, что в глухом лесу. Эх, вырваться бы на волю, посмотреть мир! – и закинул голову, глаза стали прозрачны...

– И я о том же помышляю, – тихо сказал Всеслав.

Но Есмень словно не слышал, так замечтался.

– Вот купцы, гляди-ка! Говорил я тут с некоторыми. По разным странам ведь ходят, а толком ничего сказать не могут. Только и разговоров, на сколько кого облапошили, обсчитали да обвесили, где какой барыш взяли. А начнешь спрашивать – что за люди живут? Какой у них обычай? Так либо плечами пожимают, либо начнут неправдашнее молоть – уши вянут. Вот скажи ты мне – правда, что есть за морем земля, где все люди с песьими головами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.